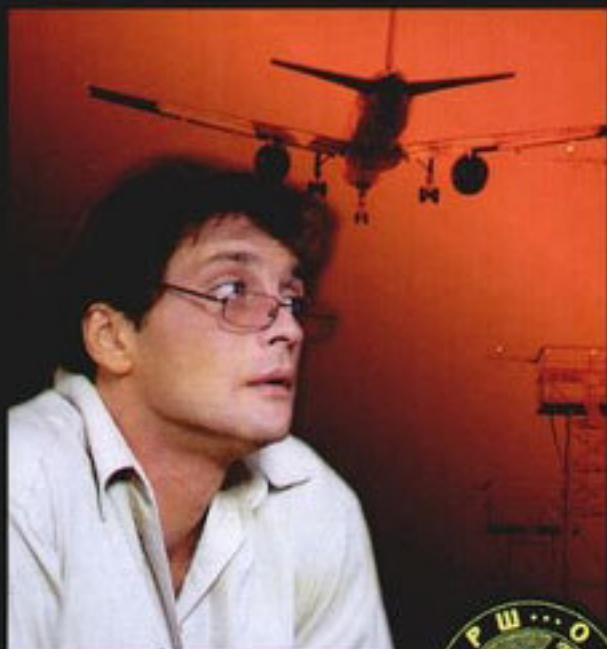

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Восточный
проект*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Восточный проект

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Восточный проект / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Большие деньги – большие проблемы. Если же речь идет о новом, поистине грандиозном проекте строительства нефтепровода из России на Восток, то стоит ли удивляться, что проблемы сыплются как из рога изобилия?.. Помощники убеждают президента направить благодатный поток нефти в Японию, а щедро сдобренные деньгами лоббисты в правительстве настаивают на «китайском» варианте. Доказательством их правоты должно послужить убийство министра Тяжэнегропрома, ловко замаскированное под авиакатастрофу. За дело берется оперативно-следственная группа во главе с Александром Турецким...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава первая

Кардинальное решение вопроса

1

Самолет летел навстречу ночи. Над Екатеринбургом уютный, комфортабельный салон «Як-40» из специального авиаотряда «Россия» еще заливало высоко стоявшее солнце, ослепительно отражаясь в полированных панелях внутренней обшивки. Через два часа, над Новосибирском, начали сгущаться сумерки, солнце висело низко над горизонтом – большое и красное, предвещая на завтра ветреную погоду. В салоне включили свет. А еще спустя два часа, при подлете к Белоярску, стало совсем темно, лишь на западе оставалась еще тонкая алая полоска вечерней зари.

Каждый из четверых мужчин среднего возраста, пассажиров самолета, занимался своим делом. Один из них, лысый крепыш по фамилии Гаранин, дремал, опустив спинку кожаного кресла до почти лежачего положения. Другой, худощавый шатен в темно-синем в полоску костюме с желтым, аккуратно повязанным галстуком, лениво просматривал, сдвинув на кончик носа модные очки, очередную газету, целая кипа которых валялась возле его кресла на полу. Скорее всего, уже без интереса, просто от нечего делать. Третий, устроившийся в хвосте самолета, толстый, кудрявый блондин в голубой ковбойке и джинсах, которого все звали Аликом, увлеченно читал наверняка детектив в яркой обложке – из тех, что продаются во всех газетных киосках, на вокзалах, в аэропортах специально для отбывающих в дорогу. Небольшая книжица карманного формата, что называется, на один присест, прочитал и выбросил, поскольку не жалко. Трамвайной ее называли раньше, эту литературу, чтоб в трамваях читать, на ходу, буквы чтоб не забывать.

Четвертый пассажир, сидевший отдельно от остальных за столом у раскрытого ноутбука, был строг и сосредоточен на протяжении всего полета. Даже перед заходом солнца не оставил своей работы, когда Алик подавал на стол, для всех, разумеется, поздний чай или ранний ужин – это как кто хотел назвать данный прием пищи. Чай, кофе, закуски всякие, бутерброды. А обедали по полной программе еще на подлете к Екатеринбургу, так что дискомфорта по части еды никто не испытывал. К тому же Алик старался, чтоб все выглядело лучше, чем на земле, во всяком случае.

Собственно, ради этих четырех человек и летел самолет почти через всю страну в старинный сибирский город. А там, внизу, в ослепленном прожекторами аэропорту их уже собирались встречать местные власти – это само собой, представители крупного бизнеса, ну и журналисты, как всегда. Большая, представительная компания собралась для встречи, успели и дополнительное освещение установить – для телевизионной съемки. Знали ведь, зачем московские гости пожаловали.

Впрочем, VIP-персоной в самолете был только один – сидевший за столом Сальников, министр Минтяжэнергопрома, остальные представляли его личный обслуживающий персонал: сотрудник службы безопасности, пресс-секретарь и буфетчик. Последний практически всегда сопровождал министра в его поездках, у Виталия Анатольевича было не все в порядке с желудком, и ему требовалась специальная диета, поддерживать которую в командировках бывало целой проблемой. Но Алик не роптал, Сальников никогда не капризничал, несмотря на свой жесткий характер. Двоим другим тоже нередко приходилось находиться при шефе – в силу их профессий.

Лететь оставалось уже совсем недолго. Выглянувший из пилотской кабины бортмеханик сказал, что они на подлете, минут пятнадцать, не больше. Да это и чувствовалось, потому что самолет заметно начал снижаться и, видимо, скоро собирался заходить на посадку.

Сальников никуда не торопился и по-прежнему медленно листал записи в своем ноутбуке...

На недавнем заседании кабинета министров он сжато, насколько это было возможно ввиду жесткого регламента, особенно тщательно соблюдаемого в присутствии президента, докладывал о результатах своей командировки в Соединенные Штаты – о встречах там с представителями крупнейшего бизнеса, а также о беседе с американским президентом, которая, вопреки заранее оговоренному краткому времени, отведенному фактически для информации, длилась сорок пять минут. И длилась бы дольше, но над душой у американца висел один из его помощников, несколько панибратски, но довольно-таки красноречиво показывавший шефу на свои наручные часы. Ну, это у них, видно, принята такая свободная манера, когда проходят встречи и ведутся разговоры, не ограниченные строгими официальными рамками, потому что президент видел красноречивые жесты, нетерпеливо и несколько комично отмахивался и гнул свою линию.

Разговор шел по-английски, Сальников достаточно хорошо владел этим языком. Еще не занимая кресла министра, а руководя главком в этом же министерстве, он довольно часто выезжал на международные симпозиумы, форумы, да и у себя был вынужден постоянно принимать многочисленные иностранные делегации.

Невероятная и по большей части не контролируемая даже «компетентными органами» открытость, которую начала демонстрировать всему «свободному миру» Россия в начале девяностых годов, в прямом смысле распахнула двери перед любым не только иностранным бизнесменом, но и авантюристом, жуликом. И количество лиц, интересующихся российскими работками в области энергетики, немедленно увеличилось даже и не на порядок, а много выше. А так как чаще всего любители российской халявы пользовались неременным покровительством государственных чиновников достаточно высокого уровня, – иначе откуда бы в стремительно нищавшей России одномоментно появилось столько чиновников с сумасшедшими счетами в иностранных банках? – то разбираться со всей этой «шоблой», говоря на их жаргоне, Виталию Анатольевичу приходилось чаще всего самому. Иные его помощники были ничуть не лучше тех же чиновников, направлявших к нему «важных иностранных партнеров» со своими недвусмысленными рекомендациями. Тогда и пришлось ему срочно озаботиться тем, на что, к сожалению, мало обращал внимания в институте, – на изучение английского. И это в дальнейшем очень ему помогало, ибо в серьезных беседах убирало лишнее, а подчас и опасное звено. Опасное в том смысле, что иной раз закрытая тема разговора могла стать достоянием чужих заинтересованных ушей.

Почти часовая беседа с американским президентом велась без посторонних, если не считать таковым настырного сотрудника Белого дома, явно озабоченного своими проблемами. А президента, помимо вопросов текущего и перспективного сотрудничества Штатов и России, очень, как заметил Сальников, интересовали наработки, в частности, научно-производственного объединения «Норильский никель» в области водородной энергетики. Побывав накануне встречи с президентом в Детройте, где Виталий Анатольевич беседовал с топ-менеджерами General Motors относительно их видения перспектив водородного автомобиля, он теперь мог вполне компетентно отвечать президенту, ибо министр был, что называется, в теме.

Отчитываясь о своей командировке на заседании кабинета министров в Москве, Сальников, по сути, повторил в более краткой форме уже для широкого круга своих коллег то, что подробно изложил в записках для президента и премьер-министра. Точнее, он заострил внимание коллег на том, что пытался внушить упрямому американцу достаточно здравую мысль:

инвестиционная деятельность в нынешних условиях сотрудничества – это уже дорога с двусторонним движением. И потому не только Америке открывается в России широкое поле для инвестиций. Уже и несколько российских компаний вложили за последнее время в американскую экономику свыше миллиарда долларов. И это вовсе не отток капиталов, как заявляют российские оппоненты, это живое свидетельство того, что отечественный бизнес вошел в пору своей зрелости, что он может вполне успешно расширять горизонты собственного участия в мировой экономике и завоевывать себе новые рынки.

А главной темой обсуждения в Белом доме были инвестиционные проекты. Первый их тип касался совместных с американскими компаниями проектов, реализуемых на территории России. Второй – это самостоятельные проекты российских компаний в США. И наконец, третий тип – совместные проекты США и России, осуществляемые в третьих странах. Другими словами, министр как бы готовил американских партнеров к осуществлению совместного проекта века – строительства нефтепровода из Восточной Сибири к побережью Тихого океана, то есть тут, по его представлению, сочетались первый и третий типы.

Открытым в данном проекте пока оставался один важный вопрос, который в настоящее время становился главным: куда пойдет поток российской нефти – в Японию или в Китай? И позиция Соединенных Штатов, как партнеров в осуществлении проекта, была немаловажной.

У обоих вариантов имелось немало как горячих и заинтересованных сторонников, так и не менее ожесточенных противников, и битва предстояла – это понимали все в правительстве – нешуточная, в прямом смысле не на жизнь, а на смерть. Потому что в этой большой международной игре вокруг глобального, можно сказать, стратегического проекта на кону стояли миллиарды, и никто не желал жертвовать собственными приоритетами ради чьих-то политических целей. А в том, что здесь и прослеживалась большая политика, уверены были все – и в Кремле, и в зале заседаний кабинета министров российского Белого дома, и далеко за его пределами, на бескрайних просторах Сибири, Дальнего Востока и в странах ближайших соседей.

Вот, в принципе, и командировка Сальникова в Штаты стала своего рода разведкой, прощупыванием позиций будущих партнеров, их интересов и, естественно, приоритетов. У японцев они – сугубо свои, у китайцев – тоже, естественно, свои. Серьезную заинтересованность (почти озабоченность, как привыкли долдонить в американской прессе) высказали и американцы. А про Россию и говорить нечего, отечественные нефтяные магнаты, без сомнения, давно успели разделить шкуру еще не убитого медведя.

Конечно, проект будет внимательно рассматриваться, изучаться, обсуждаться, проходить различные стадии согласований и утверждений, начиная от всякого рода комиссий и кончая высшей инстанцией, но в ближайшее время уже намечен официальный визит Президента России в Японию, и, разумеется, японцы обязательно выскажут недовольство неокончательно сформулированной позицией России в этом глобальном вопросе, который для Страны восходящего солнца не менее важен, чем нерешенная проблема нескольких Курильских островов.

Президенту России требовалось иметь свою личную, достаточно обоснованную и в то же время жесткую точку зрения по данному вопросу. Сальников и не удивился, когда после окончания заседания кабинета министров к нему подошел помощник президента и негромко сказал, что ему, Виталию Анатольевичу, назначена сегодня на половину восьмого вечера встреча с президентом по поводу вопроса, о котором министр сегодня и докладывал. Он понял, что президент желает знать и его собственное видение проблемы. Ведь в своем сжатом выступлении Сальников просто физически не смог бы сформулировать и изложить в понятной форме то, как ему самому представляются проблемы, связанные с осуществлением «Восточного проекта» – такое условное название будет еще долго фигурировать, и, возможно, не только до окончательного утверждения планов и сроков строительства нефтепровода. Упомянуть в названии Китая либо Японию было бы непростительной политической ошибкой. А так – что называется, простенько и со вкусом: «Восточный проект», поди разберись, в чей карман...

Значит, на доклад. В министерстве Виталий Анатольевич сложил в папку те материалы, которые могли бы ему пригодиться при обсуждении вопроса у президента, и отправился в Кремль.

Документы, которые он захватил, касались в первую очередь проблем освоения ресурсов Восточной Сибири. Ясно ведь, что реализация самого проекта не может быть проведена в один прием. Как специалист, Сальников это прекрасно понимал. Но видел он и то, что наверняка привлекло также внимание и российского бизнеса: уже само начало строительства принесет огромные «быстрые деньги». Практически сегодня можно будет начинать работу с Талаканским, Ванкорским и другими разработанными месторождениями нефти и газа Восточной Сибири, а также вести разведку новых. И это обстоятельство тем более важно, что общую мощность нефтепровода эксперты определили в восемьдесят миллионов тонн нефти в год. Цифры, прямо надо сказать, впечатляющие, значит, и к пуску объекта необходимо быть готовым заранее.

Личная точка зрения Сальникова, проработанная, кстати, достаточно грамотными специалистами, была такова. Строительство «трубы» на первом этапе следовало вести от Тайшета до Сковородино и одновременно начинать возведение терминала на Тихоокеанском побережье. Дальнейшее же решение вопроса рисовалось следующим образом. Чтобы помирить между собою все стороны, от Сковородино можно было сделать ответвление на Китай. И тогда тридцать миллионов из восьмидесяти могли бы получать наши китайские соседи. Ну да, все это в том случае, если бы они с такой постановкой вопроса согласились. Но они продолжают настаивать, чтобы вся нефть шла только к ним. И успели заручиться в этом смысле поддержкой определенных влиятельных сил даже в Москве, в правительстве. А японцы категорически возражают вообще против «китайского ответвления», они тоже не собираются ни с кем делиться русской нефтью. И американцы, судя по реакции их президента, будут активно поддерживать их в этом вопросе. А это очень серьезно, потому что проект-то совместный. И если озвучивать сегодня «китайский вариант», то, естественно, у японцев возникнет недоуменный вопрос: зачем же тогда строить терминал? Значит, русские предпринимают очередной отвлекающий маневр? Как же будет под таким обстрелом чувствовать себя в Токио российский президент? Очень двусмысленное у него получается положение.

А между тем уже и внутри России развернулась жаркая борьба за каждый из вариантов. И как обычно, в стране, где крупный бизнес хоть и поднял голову, но повадки его страшно далеки от цивилизованного ведения дел, где пока (хм, пока!) торжествуют взятка и пистолет, совсем не исключены и скоропалительные криминальные решения вопросов. К сожалению, нельзя забывать и об этом факторе, ведь слишком большие деньги гуляют, слишком серьезные интересы затронуты – и не только в политике и экономике, но и в криминальной среде.

А «труба» что? Ее все равно построят, и нефть по ней потечет, принося государству и частным компаниям гигантские барыши в долларах, иенах или... юанях.

Однако политика политикой, в конце концов, и японцев с китайцами можно будет уломать на согласительный вариант, нефть дороже амбиций. Но теперь не менее важным становится собственный, внутренний вопрос. Надо привлечь к проекту, уговорить, уломать, убедить российских инвесторов, причем убедить в наиболее выгодном именно для России варианте. Сальников считал таковым совместный, «японо-китайский». Но, увы, мог бы при этом навскидку перечислить не менее десятка своих могущественных противников. Однако, как человек честный и не желающий идти на компромиссы с собственной совестью, он считал своим долгом высказывать личную точку зрения вслух, обосновывая ее прежде всего государственными, а не шкурными интересами. Что он, кстати, и делал на заседаниях правительства. Но министра за эту его «твердолобость» – почему-то позицию государственника кое-кто желал именовать только в такой, уничижительной форме, – мягко говоря, недолюбливали. Да, это, пожалуй, действительно мягко сказано. Но меняться Сальников не собирался, видимо, и пре-

зидент знал об этом, возможно, поэтому их беседы каждый раз отличались взаимным пониманием.

Мысленно просчитывая сейчас, сидя в машине, возможные результаты сегодняшней встречи, – тема ее тайны не составляла, речь, как он предполагал, могла идти разве что об уточнении единой позиции, – Виталий Анатольевич уже прикидывал и собственные перспективы.

Буквально днями вернулся из утомительной по своему напряжению поездки в Штаты, потом занимался материалами проекта, который, в сущности, курировал лично, пошли отчеты, совещания... С молодой женой толком не посидел, не поговорил, не пообщался, хотя и обещал ведь, а теперь чувствовал, что грядет новая – и снова нелегкая – командировка, на этот раз в Сибирь. Придется лететь и уговаривать, убеждать несговорчивых магнатов, что российскому бюджету «японский вариант» необходим как воздух. Но не исключен и совместный. Это если иного выхода из тупика не будет. Наверняка у президента об этом и пойдет основной разговор.

Виталий Анатольевич неожиданно улыбнулся. Улыбка на его постоянно деловом, озабоченном лице была такой редкостью, что водитель, хорошо знавший характер «хозяина», глазам своим не поверил и удивленно уставился в зеркальце на Сальникова, сидевшего на заднем сиденье. Министр покачал головой, хмыкнул и только потом заметил взгляд шофера.

– На дорогу смотри... – И после паузы спросил недовольным тоном: – Есть вопрос?

– Нет. Просто увидел, вы улыбаетесь, Виталий Анатольевич. Чего-то хорошее вспомнили?

– Ты не поверишь, – неожиданно для самого себя сознался Сальников, – анекдот вспомнил... Старый, черт-те когда слышал... Местечковый маклер собрался устроить свадьбу Ривки, засидевшейся в девках дочери старого Хаима, и князя Гагарина. Отправился уговаривать Ривку. Уговорил. Вышел, вытер платком мокрый лоб и сказал: «Ну слава богу, полдела сделал – Ривку уговорил, пойду теперь уговаривать князя Гагарина».

Водитель рассмеялся, но, к чему этот анекдот, интересоваться не стал. «Хозяин» и так показался ему сегодня непривычно разговорчивым. Да, впрочем, и Сальников вряд ли сумел бы объяснить, что он сам сейчас выглядит, наверное, как тот маклер, поскольку собирается уговаривать сибиряков, большинство из которых, по имеющимся сведениям, будут выступать сторонниками «китайского варианта». Китайцы ведь тоже, поди, зря времени не теряли, успели крепко «заинтересовать» своих лоббистов. Да и сами сибиряки больше пользы для себя лично – а что, такое время! – видят в настоящий момент не столько в межгосударственных, сколько в межрегиональных связях, в своих приграничных возможностях торговли бывшим «всенародным достоянием»...

Президент оказался хорошо информированным, ну конечно, у него же еще и свои каналы. Поэтому и разговор пошел сразу без экивоков, да к тому же встреча была как бы неофициальной, а потому ни прессы, ни посторонних на ней не было. И разговор шел открытый. Сальников изложил свою точку зрения – со всеми возможными издержками, касавшимися изменений и дополнений в деталях, но не в главном – в направлении, и президент согласился с ним. А в конце разговора, в буквальном смысле как тот самый маклер, о котором почему-то недавно вспомнил в машине Виталий Анатольевич, президент сказал с непонятной усмешкой:

– Нам с вами остается только надеяться, что мы, в вашем лице, естественно, сумеем доказать нашим российским инвесторам важнейшие преимущества выхода к океану. С экономической точки зрения, скажем пока так. Поэтому здесь особенно важно определить для них золотую середину между неповоротливым и отчасти даже заскоружлым местным патриотизмом и объективными потребностями всего государства. Одновременно надо убедить ваших возможных оппонентов в том, что и соседей наших мы тоже обижать не станем ни в коем случае и будем следовать и дальше четко в русле наших государственных, а не региональных, частных договоренностей. Это прежде всего они и должны понять и усвоить. А уж как там они между

собой станут договариваться, на своих уровнях, это их личные проблемы. Вы понимаете, о чем я?

Сальников отлично понимал, какого рода договоры могут заключаться с теми же китайцами на местном уровне, и знал также, какое после этого начинается давление на центр.

– Просто надо смотреть на вещи объективно, – продолжил президент, – и жестко определять основные приоритеты, имея в виду, в первую очередь, государственную целесообразность. Короче говоря, у вас имеется целая неделя. – Он произнес это с таким выражением, будто министр обладал вечностью. – И я уверен, что с вашей энергией и знанием проблемы вы справитесь с задачей. На мою полную поддержку и необходимую помощь можете рассчитывать...

Потом президент вернулся уже к чисто политическому аспекту проекта и подчеркнул, как особенно важно нам именно теперь иметь среди «восьмерки» основных мировых партнеров России весомый голос и активную поддержку наших инициатив со стороны восточного соседа. И это касается не только вступления России во Всемирную торговую организацию, в перспективе имеются немало совместных с Японией высокотехнологичных проектов, поэтому усложнять наши и без того непростые отношения не следует, японцы чрезвычайно чувствительны к таким проблемам, которые нам иной раз представляются бесспорными. А ведь еще предстоит их уговаривать на «китайское ответвление».

И в заключение разговора президент снова настойчиво повторил, что очень надеется на известные уже дипломатические способности министра Сальникова и на его верное понимание проблемы, имеющей в данном случае первостепенное международное значение.

Словом, президент дал министру карт-бланш. Но и определил жесткие сроки. Сегодня пошел первый день из семи отпущенных...

...Сальников выключил компьютер, закрыл его и, отодвинув занавеску, уставился в темный иллюминатор, за которым не было ни единого огонька, только сплошная, будто бархатная, провальная чернота. Луны тоже не было, а звезды, которые сопровождали самолет после захода солнца, исчезли в сплошной облачности, в которую он нырнул. Начиналась самая неприятная часть полета – быстрое снижение и заход на посадку. А значит, появится отвратительное ощущение тошноты и головокружения, – сколько ни летал Виталий Анатольевич, превозмогая свое физиологическое отвращение к авиации, какие только ни принимал таблетки, практически почти не помогало. И когда начиналась эта сумасшедшая предпосадочная тряска, и желудок почему-то оказывался не на своем месте, а словно упирался в гортань, Сальникову казалось, будто он сидит не в комфортабельном салоне самолета, а на разбитой, тархтящей старой телеге, кривые колеса которой без конца проваливаются в глубокие дорожные ухабы. Похоже, и сегодня был тот же случай.

Сальников, искоса глядя на спутников, застегивающих на себе привязные ремни, проделал ту же операцию и сам откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза, прислушиваясь к тому, что происходило у него внутри организма.

Через несколько минут этой отвратительной тряски что-то сильно гроыхнуло где-то у него под ногами или рядом. Самолет подбросило, потом он снова провалился в очередную яму, показавшуюся теперь уже вовсе бездонной, и затем задрожал с нарастающей силой, будто этот отлаженный, технически совершенный аппарат приближался к той роковой черте, за которой его физическое существование должно было разом прекратиться.

Умом Сальников понимал, что это – бред, но чувства... но все ощущения указывали на самый трагический исход. Единственное, чего не почувствовал в себе Виталий Анатольевич, – это паники, хотя острый миг откровения подсунул ему мысль, что именно так, вероятно, и наступает конец. Конец всему...

Он заставил себя открыть глаза и взглянуть на спутников. Те болтались, привязанные в креслах, прижав головы к коленям и обхватив их руками. Сальников вспомнил, что именно таким образом и приказывают делать пассажирам при аварийных посадках. Но если это так, значит, ощущения его не обманывают? И еще это значит...

Додумать он не успел, потому что почти физически ощутил на собственной коже, как по большому телу самолета, там, снаружи, вдруг что-то резко и сильно хлестнуло – раз, другой. И самолет тут же, сильно накренившись на левый борт, так что со стола сорвался и куда-то улетел ноутбук, провалился вниз, а следом, уже со всех сторон, обрушились на него с нарастающей силой новые толчки и удары. Оглушающий грохот и леденящий треск стремительно нарастали, свет в салоне погас, и вдруг над головой Сальникова обрушился невероятной силы удар. Но, буквально за миг до того как лишиться сознания, Виталий Анатольевич успел почувствовать, что какая-то неведомая, грохочущая сила безумно больно смазала ему по лицу и вместе с креслом отшвырнула его в сторону...

2

Ожидаемый самолет должен был приземлиться в аэропорту «Надеждино» в 23.15. Где-то в районе двадцати трех часов с борта правительственного лайнера сообщили – и об этом стало почти сразу известно ожидающим данный самолет от главного диспетчера, – что экипаж начинает выполнять необходимые действия для захода на посадку. По расчетам наземных служб, самолет должен был коснуться посадочной полосы через шесть минут. Ну, плюс-минус минута туда-сюда. Все зависело и от того, как пилотами будет выполнен заключительный маневр.

Возглавлял весьма представительную группу встречающих министра Минтяжэнерго-прома местный губернатор Василий Игнатьевич Прохоров, собиравшийся приветствовать Сальникова прежде всего как личного посланца президента, а уж потом как собственно министра. Так, во всяком случае, довольно прозрачно намекнул ему по телефону Костиков, представитель президента по Сибирскому федеральному округу. Сам же он вместе со своим коллегой из Дальневосточного округа собирался прилететь завтра, прямо к началу совещания. Зачем это надо было делать, в смысле – устраивать торжественную встречу у трапа, Василий Игнатьевич не знал, а Костиков не сказал. Просто посоветовал. Но к его советам приходилось прислушиваться. Нынче от них, от этих представителей, многое зависело.

А будь воля самого Прохорова, так ничего бы он не стал устраивать, никаких торжеств. Но Василий Игнатьевич достаточно ясно представлял себе, с какой целью прилетает в его отдаленный Восточносибирский край высокий гость и о чем он будет вещать с трибуны, – иначе какого дьявола губернатору кормить в Москве целую армию дармоедов-информаторов. И поэтому, даже вопреки собственному желанию, он был вынужден сейчас соблюдать некий пиетет, от которого его, по правде говоря, тошнило. Он не привык сдерживаться в своих оценках, пусть они кое-кому и могли показаться неправомерными либо слишком вызывающими, резал правду-матку в глаза всем этим высокопоставленным чиновникам и считал свою «сибирскую» прямоthu отличительной чертой характера.

Помимо Прохорова здесь, в аэропорту, присутствовали еще четыре губернатора из соседних краев и областей, а также руководители губернских законодательных собраний, лидеры крупнейших партий и, наконец, видные представители большого бизнеса Сибири и вездесущая пресса.

При известии о том, что самолет должен вот-вот приземлиться, все оживились, отошли от стола, где хозяевами был накрыт вполне скромный по сибирским понятиям фуршет – так, исключительно для своих, чтоб ожидание скрасить, да и настроение не уронить, – и потянулись из VIP-зала наружу, к летному полю. Заторопились и девушки в русских парчовых, до пят,

сарафанах, высокие, стройные красавицы, все поголовно с длинными косами и в шитых жемчугом старинных кокошниках, чтобы традиционно встретить дорогого гостя хлебом-солью.

«Ладно, хуже не будет, – думал Прохоров. – Сибирь отродясь гостеприимством славилась... традиция, не нам менять...» Да к тому же и само совещание, по мнению коллег, могло, как выражались еще совсем недавно, стать отчасти судьбоносным. Это если в Москве всерьез решили увязать «глобальный прожект» с конкретными нуждами регионов, а не просто выкачивать нефтедоллары. Или нефтеиены, один хрен. Тот же Костиков, например, полагал, что так оно и есть, о проблемах, мол, и речь пойдет, но откуда ему про нужды-то знать? Он здесь временный, не первый уже по счету представитель, не понравится наверху, и перетасуют колоду. А «труба»? «Труба» вещь полезная, если ее в умные руки... Вот тебе и перспектива развития гигантского региона Восточной Сибири. Недаром же кто-то – кажется, иркутский Нестеров – сострил недавно: пусть-ка они там, в Москве, вырежут из географической карты ножницами нашу Восточную Сибирь, да наложат ее сверху на Европу, так чего, извини, от той Европы-то останется? И краев не видать! Вот, мол, мы какие, с нами не считаться никак нельзя. Кажется, это уже дошло, наконец, и до Костинова, потому что он от первоначальных своих жестких рекомендаций – ну как же, бывший генерал! – перешел к вежливым советам. Теперь, с усмешкой подумал Прохоров, очередь за президентом...

Так-то оно так, точнее, хотелось, чтоб было так, но пока у каждого свой резон. Ну на кой черт ему, Прохорову, Япония, когда Китай под боком? И тот не просто готов хорошо платить, а уже платит... А кому-то, вишь ты, Япония ближе, тем же дальневосточникам, например. И каждый свои личные интересы лоббирует...

Гостя ожидали, но самолет все не прилетал, словно где-то потерялся вдруг. Нетерпение понемногу переходило в раздражение. Время назначенного прилета давно уже вышло и теперь тянулось поразительно медленно.

Послали гонца к диспетчеру, но тот, вернувшись через короткое время, доложил, что в диспетчерской тоже ничего понять не могут. Борт полчаса назад вдруг перестал отвечать, а потом и вовсе исчез с экранов радаров, то есть ситуация становится уже совершенно непонятной и, можно сказать, неуправляемой. Короче, в диспетчерской паника.

Среди встречающих поднялся ропот недоумения, более похожий на возмущение. И все взоры немедленно обратились к Прохорову, как к хозяину положения.

А Василий Игнатьевич – тучный, похожий на большого медведя, поднявшегося на задние лапы, и обученный, по упорно распространяемым его оппонентами слухам, примерно таким же манерам, и сам не считал нужным скрывать свое негативное отношение к авиации, у которой никогда и ни черта не получается по расписанию вообще и к бессовестно опаздывающему министру в частности. И свое открытое недовольство он немедленно высказал вслух и достаточно громко, обращаясь к коллегам, но адресуясь к первому заместителю этого самого министра.

Тот стоял чуть в стороне от главной группы встречающих, в компании троих местных нефтяных королей, о чем-то негромко беседуя, и сохранял на лице олимпийское спокойствие и нарочитую непринужденность в чуть расслабленной позе. Он, казалось, не обращал никакого внимания на «ропот толпы».

«Ничего не случится, – стараясь не выказывать своих эмоций, в отличие от „шибко темпераментного“ губернатора, рассуждал он мысленно, – переживут, им полезно, этим ископаемым. Тоже мне корень нации, соль земли... Вот по-китайски заговорите, и будет вам ужо...» И усмехнулся своему предположению, которое вовсе и не показалось ему сейчас каким-то несбыточным, фантастическим, как в забытом анекдоте про двух вельможных польских панов, собиравших окурки китайских сигарет в Варшаве, на бывших Иерусалимских аллеях, переименованных в проспект Мао Цзедуна, и споривших, что все-таки «при Советах, проше пана, было najlepей», то бишь гораздо лучше.

Алексей Петрович Смуров – так звали первого зама Сальникова – прибыл в Белоярск с конструктивной задачей: подготовить максимально представительное совещание глав губерний и местных законодателей, ибо планируемый нефтепровод пройдет по их территориям, но основное внимание при этом уделить бизнес-элите, от которой это строительство будет зависеть едва ли не в определяющей степени. Деньги, деньги! Нужны срочные инвестиции, господа! Удовольствие очень дорогое, правда, но и отдача будет весьма солидная, можно сказать, несопоставимая. Поскольку в подобных проектах кроме чисто прагматических задач есть еще и большая политика, а про нее забывать не надо.

Отправляя Смурова впереди себя, Сальников рассчитывал, что его толковый и умеющий действовать настойчиво и оперативно заместитель лучше кого-либо другого справится с такой проблемой, не раскрывая преждевременно козырей, которые держало в своих руках министерство, опираясь на прямую поддержку президента. Вопрос тогда стоял только в отношении даты проведения совещания. И вот диалог с президентом, видно, окончательно расставил все точки.

Ну а себе Сальников оставлял далеко не самую приятную миссию – как раз ему-то и предстояло уговаривать людей принять непосредственное участие в программе века. И притом суметь доказать им всем, что дело это вполне реальное, конкретное, а значит, можно и даже нужно рискнуть – не отдавать же иностранным компаниям то, что вам самим принесет колоссальный доход! Те и так своего не упустят, но и вы, ребята, не зевайте! А то потом жалеть будете и жаловаться, что вас опять обошли, что снова иностранцы вам нос натянули.

Вот, примерно, так понимал роль Сальникова и Алексей Петрович Смуров. И будучи действительно человеком энергичным и деловым, первый зам министра сумел быстро организовать и подготовить достаточно солидное, как ему представлялось, совещание. Он, кстати, уже имел с наиболее влиятельными участниками предварительные беседы. «Народ», по его мнению, понимал суть вопроса, но имел и свою, достаточно определенную и твердую точку зрения, которая вполне импонировала Смурову, поскольку и он сам, и, скажем так, другие «заинтересованные лица», с чьей волей спорить и трудно, и накладно, то есть фактически невозможно, придерживались варианта, в корне отличавшегося от президентского.

Вопрос ведь теперь, в окончательном его виде, мог стоять так: либо «японский вариант», либо «японо-китайский». Но оба они отсекали в большей или меньшей мере главного соседа – Китай, который ни за что не согласится на какие-то подачки с «барского стола». Тут на карту поставлено многое, то есть в том плане, что уже поставлено, и отыгрывать назад, давать обратный ход по меньшей мере рискованно. А вот Сальников со своей известной уже упертостью, сумевший убедить не одного, а, судя по всему, двоих президентов, представлял сейчас действительно большую и трудную проблему, как полагал Алексей Петрович, практически неразрешимую. Если, конечно, как говорится, не вмешается случай...

Возникшие шум и суматоха в связи с непонятной и никем, оказывается, не контролируемой ситуацией, похоже было, совершенно не касались Смурова, хотя именно он являлся наиболее заинтересованным лицом. Его же шеф сгинул неизвестно куда. Причем вместе с самолетом. Ведь был буквально рядом, на подлете, когда это стало ясно? Да вот уж не менее сорока минут назад. А уже близится полночь. И все молчат, никто не бьет тревоги. И первый среди этих «спокойных лиц» – представитель министерства. Ничего понять нельзя.

Кто-то из вышедших на свежий воздух ранее вдруг сообщил, что слышал недавно нечто похожее на раскат грома. Сперва как бы один удар, даже что-то на горизонте вроде осветилось, вроде зарницы, а потом, чуть ли не полчаса спустя, прокатилось еще несколько громовых ударов. А сейчас ночь, темно, может, на трассе возник грозовой фронт, и пилоты не стали рисковать, изменили маршрут?

Мысль была неожиданной и интересной. Стали обсуждать теперь и такой возможный вариант. Тем более что вечер был наполнен той особой духотой, какая обычно и возникает

перед грозой. Хотя и свежестью приближающегося дождя еще не тянуло. Но – все может быть, не исключено также, что гроза уже прошла мимо, стороной.

Однако если это так, то почему исчезла связь с самолетом? Тоже грозовой фронт виноват? А что, разве не бывает? С нашей природой, после того что мы с ней натворили, как заметил один юморист, теперь много неясного.

У Смурова, привлекая внимание других, зазвонил мобильный телефон. Он достал из кармана трубку, выслушал какое-то короткое сообщение и так же кратко ответил: «Хорошо, я понял», после чего сложил трубку, собираясь сунуть ее обратно в карман.

Но, видя обращенные к себе вопросительные взгляды, Алексей Петрович счел необходимым несколько разрядить ситуацию.

– Я, конечно, не вправе ставить себя на место министра, но могу предположить, господа, что в связи с тем, что вчера поздно вечером у Виталия Анатольевича состоялась довольно продолжительная приватная встреча с президентом, возможно, в некоторые условия нашего совещания были внесены некоторые коррективы. К сожалению, я о них не информирован, иначе мы сейчас все вместе не теряли бы время здесь, а занимались более полезными делами.

– Да, но как это выглядит? – загудел красный от возмущения Прохоров.

– Видимо, мне остается только принести вам, Василий Игнатьевич, и вам, господа, глубокие извинения за причиненные неудобства. Я, повторяю, совершенно не в курсе...

– Но есть же телефонная связь, в конце концов! – выкрикнул кто-то, словно намекая на только что состоявшийся звонок самому Смурову.

– Если вы об этом, – Алексей Петрович взглядом нашел «крикуна» – это оказался спикер Белоярского парламента – и с простецкой такой улыбкой показал ему свой мобильник, – то, к сожалению, звонок к нашему делу совершенно не относится. Это звонил мой старый приятель, еще со студенческих времен, и спрашивал, когда я освобожусь. Ужин остывает, видите ли. – Смуров снисходительно и несколько принужденно засмеялся.

И его поддержали стоявшие рядом: народ заулыбался, напряжение спадало.

– Но если вы хотите знать мое личное мнение, основанное на... как бы выразиться поточнее? Ну, на некотором опыте общения с Виталием Анатольевичем в течение почти трех лет, то я могу сказать следующее. На моей памяти уже бывали случаи, когда министр вдруг, не ставя в известность даже ближайшее окружение – замов, помощников, принимал несколько неожиданные решения. В разных ситуациях разные, господа. Надо будет завтра проверить все те переговоры, которые вели местные диспетчеры с бортом самолета, может быть, они не все поняли, что-то напутали, или помехи были, от той же грозы, например. Но если самолет не приземлился вовремя, это вовсе не значит, что с ним должно обязательно что-то случиться. Во-первых, машина проверенная, я сам не раз летал на этом «Яке», во-вторых, пилот опытный, заслуженный. Сальников мог, не исключая, изменить маршрут. Особенно после разговора с президентом. Да и потом, мы ж не знаем, о чем они договорились. Ну и махнули, например, в Иркутск. Или в Хабаровск. Чтобы завтра с утра прилететь прямо к совещанию – министр ведь прекрасно знает о нашем форуме. Исходя из этого, предлагаю поступить так. Сегодня завершить, в смысле – свернуть несостоявшееся мероприятие, и снова прошу вас принять от меня искренние извинения. Да министр, полагаю, и сам объяснит нам ситуацию. Разъедемся по домам, а завтра, как говорится, Бог даст день, даст и пищу для размышлений. Ну, не вышло торжественной встречи, господа! Видит Бог, в этом нет ничьей, я имею в виду нас, собравшихся здесь, вины. Давайте лучше выпьем по рюмочке и отдохнем.

Выслушав несколько пространную, но заметно искреннюю речь заместителя министра, собравшиеся, морщась и не скрывая своего разочарования, потянулись обратно в помещение аэровокзала, чтобы отправиться затем по своим делам. Да какие уж дела в двенадцатом часу ночи? По домам пора.

Проходя мимо стола, на котором оставалось еще много выпивки и нетронутых закусок, некоторые действительно останавливались, вспомнив добрый совет заместителя министра, – ну не пропадать же добру! И вскоре фуршет как-то сам по себе, без всяких конкретных указаний со стороны, самостийно, можно сказать, продолжился. А то не по-русски получается, в самом деле. Зря, что ли, приехали? Зря так долго ждали, волновались, черт возьми?..

Алексей Петрович получил приглашение губернатора отправиться с ним и некоторыми его гостями – имелись в виду губернаторы ближайших регионов – на дачу, в дом приемов. Он поблагодарил за приглашение, но вежливо отказался, опять-таки ссылаясь на уже принятое им ранее приглашение к другу на ужин. Прохоров был разочарован. И Смуров заметил, что губернаторы, возглавляемые Василием Игнатьевичем, вскоре прошествовали мимо стола. И на него даже не взглянули, неужто обиделись? Ну и ни хрена с ними не делается, тем более что у них своя программа, и посторонние, тем более из Москвы, да еще прибывшие со своими «указивками», им не очень-то и нужны. А «народ»? Ему и здесь неплохо. Выпьют, закусят и поговорят «за жизнь» – много ли надо?

У Смурова снова запиликал мобильник. Он остановился за дверью зала и поднес трубку к уху. Этого звонка он ждал тоже.

– Как поживает наш дорогой? Как здоровье? – спросил приглушенный, заметно картавящий голос.

– Птичий грипп, сами понимаете, он лечится долго. Если лечится вообще.

– Вы говорите так уверенно? – уже бодрым голосом раскатил букву «р» абонент.

И Смуров, оглянувшись, ответил будто даже чуть-чуть суеверно, тем не менее твердо, возможно, с большей категоричностью, чем следовало бы, и чувствуя при этом странное облегчение:

– Сто пудов.

Так обычно выражалась супруга Алексея Петровича, три года назад сменившая фамилию Сальникова на Смурову.

Да, вот ведь как бывает в жизни. Жили вроде бы счастливым браком Виталий Анатольевич с Мариной Евгеньевной. Недолго были «счастливы», всего четыре года. Даже детей не успели завести. Но Виталий тогда уже «засиделся» в главке, и будущее его было абсолютно неясным. А Лешка уже ходил в замах министра и отчетливо видел свою дальнейшую перспективу. Они были давно знакомы между собой – оба учились в Московском энергетическом институте, правда, на разных курсах, Виталий на год старше. Но система-то одна, поневоле встречались, как бывшие сокурсники. Марина и рискнула сменить лошадку. И не угадала. Новому президенту тогда почему-то «показался» именно Сальников. А Смуров так и остался в замах, правда, поднялся до первого. Но это уже была инициатива Виталия Анатольевича, который всегда отметал в служебных взаимоотношениях всякое личное, ставя на главное место деловые качества работника.

Однако все это – лирика, не брал ее сейчас в голову Алексей Петрович. Тот, первый телефонный звонок, доставший его у выхода на летное поле, уже все расставил по своим местам. И для суеверий, как и для «неясностей», места больше не осталось...

3

Шел девятый час утра. Еще только-только началась работа, а подполковник милиции Симагин – спокойный, толковый, знающий свое профессиональное дело мужик, едва не хватался за голову. Без конца звонили какие-то психи, причем все из одного поселка, и буквально в один голос уверяли, что где-то недалеко от них – сравнительно, конечно, недалеко, по таежным понятиям, – «всю ночь чего-то там горело и взрывалось». Может, самолет чего-нибудь

бомбил, что летал над поселком низко и с работающими на полную катушку движками? Это была версия первого позвонившего.

А когда подполковник попробовал выяснить у него, что за самолет и насколько «место бомбежки» недалеко от поселка, чтобы можно было послать кого-нибудь и проверить, тот понес полную околесицу. По его мнению, выходило, где-то в километре, а вполне возможно, что и в пяти. И это таежник говорит! Нажрался поди еще с вечера, вот ему взрывы и мерещатся. А что горит – так это понятное дело, с хорошей похмелюги всегда душа пылает, еще как!

– Ты где вчера был? – для пущей уверенности спросил подполковник.

– У дружка. А чо? Он в порядке.

– Оно и видно. – У Симагина пропало желание беседовать дальше, но он на всякий случай спросил, что за самолет такой носился над крышами?

Про непонятный самолет тот вообще ничего определенного сказать не мог, он только слышал, что тот летал, и все!

«Так над этим Рассветом, – подумал подполковник, мельком взглянув на большую настенную карту губернии, – и должны постоянно летать рейсовые самолеты на Дальний Восток, эка невидаль! Трасса же у них тут проходит...»

Короче, понимая моральное, да и физическое состояние человека, Симагин по-доброму посоветовал мужику, даже и не спрашивая его фамилии, – зачем ему лишние неприятности? – дернуть стаканчик самогонки, если серьезных дел на сегодня нет, зажевать жменей моченой бруснички – очень полезительная по этому делу ягода! – и прилечь на бочок. Глядишь, к обеду все пожары закончатся. А уж про какие-то бомбежки и вовсе забудется.

Только положил трубку, усмехаясь и даже отчасти завидуя человеку, который может себе позволить отдохнуть в рабочее-то время, как раздался новый звонок. И тоже был мужчина, и понес про то же самое гулким таким басом, будто в бочку говорил, а не в телефонную трубку: мол, всю ночь у них там, неподалеку, что-то горело и взрывалось.

Очень странным это уже показалось подполковнику. Он попросил звонившего чуток обождать, а сам по внутреннему телефону перезвонил дежурному.

– Слышь, Костерин! Ты какого хрена им мой номер даешь? У меня что, других забот нету, кроме как пьяных чудиков выслушивать?

– Виноват, товарищ подполковник, но они начальство требуют, а кроме вас...

К сожалению, это действительно так, начальника отдела милиции на воздушном транспорте полковника Лямкина сегодня на службе нет и, видать, не будет. Еще позавчера в Белоярск прилетел из Москвы сам директор Департамента милиции на воздушном транспорте генерал-майор Митрофанов и потребовал, чтоб начальник отдела всюду сопровождал его. Вот того и нет третий день. Гуляют, небось. Лямкин горазд принимать московское начальство, и оно это знает. Ну и что теперь делать?

– Да, я слушаю вас, – морщась, словно от больного зуба, сказал в городскую трубку Симагин. – Давайте так. Назовитесь сперва. Потом – откуда конкретно звоните, а все остальное еще раз и почетче, пожалуйста, чтоб я мог понять и записать. Слушаю...

Короче говоря, звонил, оказывается, мастер с лесопункта, из того же Рассвета, Егор Миронович Лаптев. Это отсюда километров двадцать пять, да не по трассе, на нее всего десяток верст приходится, а дальше – таежные дороги, старые гати, проложенные еще в сороковых годах прошлого века. Их время от времени подправляют, а на хорошую дорогу бюджетных средств не хватает. Тяжелые машины – трактора, лесовозы, вездеходы армейского типа – этим нормально, а чтоб легковушке, так то пустой номер. Лагеря там были, плохое место, гиблое. Строили чего-то, вроде полигон какой, да не достроили, бросили, а там и власти поменялись, лагеря похерили да и забыли. А в тех местах, неподалеку от бывшего лагеря, поселок поднялся, который кто-то, словно в насмешку, Рассветом назвал. Лесопункт там образовали – тайга-то породистая, кедрач сплошной. Так вот, там это, получается.

– Прошедшей ночью, точнее сказать, поздним вечером, примерно, в десять минут двенадцатого, – обстоятельно начал по новой густым басом мастер с лесопункта, – я, стало быть, вышел, извиняюсь, в туалет, поскольку удобства у меня летом во дворе. И тут услышал сильный, но отчасти скраденный расстоянием будто удар грома. А спустя минуту-другую, я не замечал по часам, поскольку темно было, громынуло снова, и даже зарево поднялось над лесом в южном направлении...

Коротко говоря, сперва он подумал, что это гроза приближается, но ничего похожего на нее в атмосфере не ощутил. Подумалось, что гром был все же искусственного происхождения, то есть как бы делом человеческих рук, ну, похожий на взрывы, какие он постоянно в свое время слышал, когда дробили скальные породы на щебень, для отсыпки железнодорожной магистрали. Не здесь, нет, когда на Байкале работал, лет двадцать тому... Однако послушал еще, но все вокруг было тихо. А позже, он уже дома сидел, не спалось, услышал рыкающий такой звук автомобильных моторов. Пока собрался выйти, шум затих. Но потом, позже, снова услышал несколько взрывов, либо это все-таки раскат грома такой был, стены-то гасят звуки. А когда снова зарычали двигатели, выглянул-таки и увидел вывернувшие из тайги на трассу пару армейских вездеходов. Но кто в них был, узнать, конечно, не успел, те не останавливались. Фарами ослепили на миг, да и умчались в сторону города. И ехали они, по всей вероятности, со стороны полигона, как тут, в Рассвете, называют то поганое место.

Вот об этом странном ночном происшествии он и счел своим долгом сообщить в милицию.

Симагин поинтересовался, почему именно в транспортную, а не к своим, поселковым сперва обратился? Есть же у них там опорный пункт? Должен быть!

А не обратился он, оказывается, потому, что утром встретил Аристарха Самохваленко, механика своего, с которым и обсудил ночное происшествие. И оба пришли к единому мнению, что рассветовский участковый, старший лейтенант Бронька Данин у них – пустая фуражка, а никакая не власть, хоть он уже с утра туда наладился, тоже, поди, взрывы слышал. И зарево наблюдал. Но разговаривать все равно следует с серьезными людьми, каковыми тот же Аристарх считает транспортную милицию. И куда он уже, как свидетель, сам первый звонил. Так и сказал. После чего и Лаптеву номер этого телефона назвал.

– А что, Аристарх ваш, он здорово закладывает за воротник? – спросил подполковник на всякий случай.

– Не-а, как все... Как я... нормальный мужик. Так вы меры, стало быть, примете?

– Сейчас решим. А дорога там проходима? «Газон» пройдет, как считаете?

– Да сушь нынче. Я и говорю, те вездеходы – часу не прошло – уж обратно покати. Вот мы и думаем, как бы большой пожар не вышел.

– А участковый ваш, он еще не вернулся? Он-то на чем отправился? Пешком, что ли?

– Не-а, у Броньки мотоцикл. Не вертался еще.

– Скажите ему, когда вернется, пусть сразу перезвонит мне, подполковнику Симагину.

– Это если увижу. Я ж по улицам не шастаю, работа у меня. А вы сами-то чего ж? Может, надо с вертолета посмотреть, залить? Или у вас нету этой техники?

– Вот когда узнаем, что у вас там произошло, тогда и будем решать, что делать. Сейчас-то огня не видно?

– Не видать... Ну, как считаете, – степенно пробасил Лаптев.

Симагин ухмыльнулся, сделал себе пометки в блокноте и поблагодарил Лаптева за бдительность. Хотя при чем здесь именно это, и сам не понял.

Значит, не так все просто и объяснимо. Конечно, ночная бомбежка – это чушь собачья, но что-то непонятное у них определенно случилось. Да еще и самолет какой-то... Чего ему там делать? Наверное, надо сообщить в УВД, чтоб те ребята занялись, зачем же транспортной милиции в чужую епархию соваться? И при чем здесь самолет, тоже непонятно.

Но пока раздумывал на эту тему, снова зазвонил телефон.

Звонил очередной свидетель, и опять из Рассвета, Аникин Валентин Иванович, рабочий пилорамы. Ему, как быстро выяснил подполковник, никто не давал советов, куда звонить, он сам додумался. Так вот, он тоже слышал взрывы и видел армейские автомобили, которые сперва промчались в тайгу, южнее поселка, в направлении «чертова полигона», а потом, спустя час с небольшим, так же без остановки, вернулись обратно в город. И были это джипы. И никакие не зарницы освещали горизонт, а явно вздымались столбы пламени, и даже после того как военные уехали оттуда. А может, они нарочно там что-нибудь поджигали?

Симагин уточнил, оказались, все-таки не грузовые вездеходы, а именно два джипа, причем армейского образца, свидетель их близко разглядел. А на вопрос, чего он делал на улице в столь поздний час, ответил, что шел домой. Это в полночь-то? Но, с другой стороны, каким Рассветом их поселок ни называй, все равно деревня остается деревней, мало ли чем он занимался? Может, от чужой бабы домой возвращался, кому какое дело? Да и не имело это существенного значения.

Свидетель считал, что милиции надо срочно приехать, потому что перед тем как раздался взрывы, а никакая это не гроза была, над Рассветом довольно низко пролетел пассажирский самолет, не очень большой, скорей всего или «Антон», или «Як-сороковой», он сам его огни видел. Причем не один пролетел, а два их было. Сперва прошел первый, который вроде бы собирался заходить на посадку, а потом, словно догоняя его, на большой скорости, низко, почти над кронами деревьев, на бреющем прошел другой, скорей всего «МиГ», и тоже с опознавательными сигналами. Ну а дальше и начались взрывы.

Симагин, разумеется, с ходу решил уточнить, как это человек ночью темной мог увидеть и различить в небе какие-то самолеты, когда тут, рядом с собой, ни черта не разберешь?

На это Аникин ответил, что армейскую свою службу отбарабанил во Владике, то есть во Владивостоке, в батальоне аэродромного обслуживания авиачасти и всю эту когда-то грозную военную технику научился даже и не зрительно, а на слух воспринимать. Так что привычка осталась с тех молодых лет, а на свой слух он не жалуется.

Ну, грозная она нынче или нет, это еще можно поспорить, и воздушная война у них там была какая-то или нет, но факт оставался фактом: один из пролетевших над Рассветом самолетов, скорее всего, упал в тайге. И теперь только понял подполковник, почему все звонили именно в милицию на воздушном транспорте, – самолеты действительно в деле фигурировали, вот в чем незадача! Но, в конце концов, решать, ехать или нет, должна сама милиция, а не случайные ночные свидетели.

Симагин перезвонил в диспетчерскую аэропорта, чтобы узнать, не было ли каких-либо происшествий вчера в районе полуночи? Дежурный долго разбирался, а потом ответил, что как раз в это время, то есть до полуночи, ожидался прилет из Москвы правительственного «Як-40», уже велись переговоры с экипажем, но самолет так и не появился, хотя ему были даны все необходимые параметры для посадки. Даже торжественная встреча у трапа была организована, с хлебом-солью, но мероприятие так и не состоялось.

Нет, получается так, что телефонные звонки не были похмельной шуткой, а речь действительно идет о каком-то серьезном происшествии. И возможно, связанном именно с авиацией. Если и взрывы были, и столбы пламени над лесом поднимались, значит, похоже, в том районе произошла авиационная катастрофа. Плохо это, только такого ЧП и не хватало сейчас воздушной милиции, когда в городе третий уже день гостит сам главный ее начальник!

Но если разбился пассажирский самолет, то на месте могло оказаться немало жертв? Если после удара о землю – вот тебе и причина взрыва! – там кто-то еще остался в живых... А главное, времени с момента тех взрывов прошло вон сколько! Больше десяти часов. Кстати, а что армейские джипы там потеряли? Чего они-то ночью туда-сюда мотались? И какой самолет упал, ведь их, говорят, два было? Если военный упал, то, может, они специально ездили туда,

чтобы найти и подобрать летчика? И тогда пострадавший уже в больнице? А почему же здесь ничего не известно? Вот так, мать их, и работаем – рука об руку называется. Это когда правая не знает, что делает левая! А получается, каждый сам по себе.

Подполковник позвонил в областную больницу и спросил, не поступали ли ночью раненые люди? Ответ дежурной разочаровал: никаких серьезных происшествий в городе не было. И вообще, ночь прошла спокойно.

Значит, джипы вовсе не туда ездили? Или не смогли добраться до места падения? Опять же и полигон еще какой-то, о котором прежде ни от кого не слыхал подполковник.

Одним словом, надо срочно ехать. И Симагин перезвонил в краевую прокуратуру, проинформировал о состоявшихся звонках, перечислил фамилии свидетелей и добавил, что в расследовании происшествия примет обязательное участие его сотрудник. И назвал фамилию майора Расула Гуляева, старшего оперуполномоченного отдела милиции на воздушном транспорте. После чего стал дозваниваться до полковника Лямкина: что бы ни случилось и каких бы важных гостей не принимал сейчас Сергей Григорьевич, о ЧП он должен узнать в любом случае раньше генерала Митрофанова. Неизвестно ведь, как отреагирует на происшествие московское начальство...

4

Начальство в лице Георгия Александровича Митрофанова отреагировало вяло. Генерала интересовал другой вопрос:

– Как он у тебя, этот Симагин? Внушает, нет?

– В смысле – доверие? – уточнил Лямкин. – По службе вопросов не имею. Что касается характера, то... как бы сказать...

– А ты прямо и говори, наш человек? Или станет вопросы спрашивать? – вполне по-генеральски сострил Митрофанов.

– Вот это, боюсь, может, – с огорчением и убежденно ответил полковник. – Службист, как говорится, не по делу.

– Жаль, – спокойно отреагировал генерал. – А ты его послать куда-нибудь по служебной надобности не хочешь? На недельку, скажем, пока московская комиссия тут пенки снимать будет? В район подальше, в другую область, к соседям – для обмена опытом. Придумай, не сиди пнем, тебя ж тоже касается.

– Да я не сижу, – пробурчал полковник, не обижаясь на Георгия Александровича, так как генеральская манера разговаривать с подчиненными в таком вот духе была давно ему известна.

Больше того, он понимал, что Митрофанов, можно сказать, специально забрал его с собою в качестве сопровождающего на все время своего пребывания здесь, потому что ситуация с падением самолета не должна никоим образом коснуться начальника белоярской транспортной милиции. Лямкин – единственный в городе человек, которому была известна подлинная подоплека события. Одного не знал полковник: того, что Георгий Александрович, еще будучи в Москве, остановил на нем свой выбор, когда вместе со Смуровым обсуждал возможные варианты проведения операции по устранению фактора, мешающего нормальному развитию взаимовыгодных финансовых отношений с ближайшим восточным соседом. Имелся в виду Китай. Слишком крупные интересы и деньги столкнулись на «Восточном проекте», чтобы пустить это дело на самотек, то есть предоставить возможность его решения кремлевским политикам. И вот теперь, когда вопрос, что называется, закрыли, неожиданно, а главное, не ко времени обнаружили какие-то свидетели, с которыми теперь придется тоже возиться. Да, идея Митрофанова отослать Симагина куда подальше – хорошая идея, проблема только в том, как ее половчее осуществить, чтоб потом и комар носа не подточил? Ведь подполковник

со своим служебным рвением, которое, как известно, и просыпается-то в нем не всегда к месту и ко времени, может порядочно спутать карты.

А Митрофанова сейчас заботило другое. Происшествие все равно получит огласку. Важно, чтоб он, генерал, и его ребяташки из спецназа транспортной милиции не засветились, нигде не фигурировали, ни в чьих показаниях. А что Лямкина будут дергать, так это пусть. Ему ж ничего не пришьешь, его в городе не было, он генерала своего сопровождал, на рыбалку ездили, далеко, на Енисей, к знакомым рыбакам. И те уже в курсе, заранее предупреждены. Так что с этой стороны прокола можно не опасаться.

Другое плохо. Вездеходы эти проклятые, ну, джипы, которые в воинской части одолжили, кто-то из свидетелей их видел. И вообще, кажется, придется здесь немного поработать с людишками, кое-кому мозги вправить и глаза прочистить, чтоб не снилась, понимаешь, им по ночам всякая чертовщина.

Но уж этим есть кому заняться.

А интересно, что по этому поводу Лешка скажет? Он-то, поди, торжествует, делая при этом постную физиономию. Что никак не вяжется с его всегда ухоженной, этакой «парикмахерской» внешностью. Красавчик, ничего не скажешь. Понятно, на что Маринка клюнула. Да и Наташка тоже, помнится, с вождением поглядывала. Ох, это бабье! Никогда и ни за что своего не упустят.

Лешкой Митрофанов называл Смурова, не в официальной обстановке, естественно, а по-родственному, по-домашнему. Так получилось, что оба они оказались женатыми на родных сестрах, в девичестве Кошелевых. Только Маринка, старшая, уже успела выскочить за Сальникова в ту пору, когда тот еще в главке болтался и никакие особые перспективы ему не светили. Но она вовремя одумалась и, бросив Виталия, сбежала к Лешке, которому очень даже светило тогда, министерское кресло перед ним вполне отчетливо маячило, но... фортуна как бы задумалась, отвернувшись на миг. И этого мгновения хватило, чтобы вперед неожиданно вырвался Сальников. А Маринка, уже став официальной женой Лешки, никак, видно, не хотела простить теперь первому мужу своей собственной нерасчетливости. И это обстоятельство давно уже стало предметом постоянной иронии младшей, Натальи, нынче-то вот генеральши, ну и самого генерала, смуровского свояка, так сказать.

Поэтому, если говорить совсем откровенно, что называется, без обиняков, по совести, то неприязнь к Сальникову у обоих свояков и их жен – это уж не касаясь большой политики и связанных с нею финансовых слагаемых, на чем пересекались кровные интересы каждого из перечисленных лиц, – имела под собой, мягко говоря, еще и чисто семейные корни. И никуда от этого не денешься, так жизнь повернула. И кто-то в ней обязательно остается крайне обиженным, недовольным, но не собой же! Одного удача соперника подстегивает, стимулирует, другого удручает, вызывая у него внутренний протест, вплоть до ненависти. Одну своя недальновидность огорчает, но учит, а другую злит и доводит до полного остервенения, когда размываются границы разумного и дозволенного. Но всегда при таком раскладе в поле зрения должен быть и тот, кто виноват уж тем, что названная удача заметила именно его. Такие вещи простить трудно, а вину за свои потери легче всего переложить на чужие плечи.

В принципе, лично Митрофанов не имел никаких серьезных претензий к тому же Сальникову. Спал тот по молодости не с его женой, на служебной лестнице подножку не ставил, да они, в общем-то, и не пересекались никогда, мешая там или толкая друг друга. И неприязнь генерала к министру была скорее корпоративной, а правильнее сказать, не собственной, но привнесенной. Пока не перехлестнулись их уже чисто финансовые интересы.

И тогда вступил в силу другой закон. Ну, скажем, тебе определенными структурами общества обещаны большие деньги за проведение в жизнь совершенно конкретного плана. Если детально в нем разобраться, то он, конечно, расходится с твоими представлениями о таких понятиях, как офицерская честь, законность, справедливость и прочая, и прочая, о чем

много говорится, но что фактически за последние годы превратилось в пустые слова, в мусор. Однако, тем не менее, не вдаваясь в причины, ты даешь свое согласие и получаешь внушительный, стимулирующий твою активность аванс. Так что тебе после этого остается? В силу предлагаемых обстоятельств ты уже вынужден теперь действовать быстро и решительно, закрывая глаза на некоторые моральные принципы. Иначе можешь лишиться не только аванса и солидного окончательного расчета, но даже определенных жизненных перспектив.

Как человек военный и, соответственно, изначально дисциплинированный, к тому же являясь одним из высших руководителей силового ведомства, Митрофанов отлично понимал тяжкую меру своей ответственности в случае проигрыша. Но именно к проигрышу он был не готов. Он не мог проиграть, не должен был. И эта уверенность диктовала и стиль его поведения – непринужденный, хотя и жесткий, предусмотрительный и в то же время нахрапистый. Короче говоря, типичный стиль новой российской деловой элиты. Генерал даже внутренне гордился тем, что легко вписывается в эту категорию несомненных хозяев жизни.

Ну а удачливые чиновники, которых выстреливают на верхний уровень, подобно пробкам из шампанского, умные и умелые руки, они, подобно тем же пробкам, собственной воли не имеют. Да о них обычно и не думают. Они делают порученное дело, а потом приходит уборщица и подметает пол. И раз это так, то и в расчет их брать не стоит.

Митрофанов не сам придумал такую философию, она давно вызревала в доверительных беседах свояков, пока их жены сплетничали и дразнили друг дружку на кухне, перебивая посуду и кости знакомых. Каждому свое. Но одно четко видел генерал: глубокую личную заинтересованность обоих Смуровых в том, чтобы фортуна и на этот раз не выкинула очередной свой коник. И в этом, пожалуй, он был солидарен с Алешкой. Иначе вряд ли бы и сам согласился на участие в грязном, чего скрывать, дельце.

Но теперь дело сделано, надо закрывать случайно образовавшиеся бреши и при этом не светиться.

5

Первым «на яму», как обычно называют место падения самолета работники авиационных служб, прибыл участковый уполномоченный из Рассвета старший лейтенант милиции Бронислав Иванович Данин. Этот тридцатилетний, спортивного телосложения человек, светловолосый и голубоглазый, всего год назад закончивший в Белоярске школу милиции и направленный «на землю», то есть в район, для укрепления правопорядка на селе, никакими особо громкими подвигами здесь похвастаться не успел, поскольку ничего страшнее пьяных стычек в поселке не происходило. Ну, начистили друг дружке морды, появился участковый, наорал, пострашал, раскидал буянов, те и помирились – и ни правых тебе, ни виноватых. Крупных преступлений – убийств там, зверских изнасилований, про что особенно любят писать в газетах и показывать по телевизору, либо злостных поджогов или чего-то вроде того также в округе не наблюдалось. Проживали в поселке среди прочих несколько семей староверов, а у тех, известно, порядки строгие, суровые, шибко не разгуляешься. Вот, наверное, потому народ и думал, что Бронька – пустое место, никакой от него ни пользы, ни вреда. А раз так – пусть живет и другим не мешает, фуражку свою носит.

Никто в поселке также не догадывался о его прошлом, а если поговорить, то было бы о чем. Данин, после окончания школы в Белоярске и ни в какой институт не устроившись, естественно, загудел в армию, во внутренние войска. А вот службу свою проходил не где-нибудь, а в Чечне, во время боевых действий. Был ранен, и в этом ему повезло, потому что многие его товарищи так и остались там. Ну а уж после госпиталя за выбором профессии дело не стало, как-то все определилось само – школа милиции. Так что опыт-то имелся, просто Бронислав не любил вспоминать прошлое, от которого у него остались самые тягостные впечатления. И

здесь, в поселке, где никакой преступностью в общем-то и не пахло, он как будто бы даже отдыхал душой.

Имелся у Данина и личный транспорт – мотоцикл «ИЖ» с коляской. В коляске он, бывало, увозил буянов к себе в отделение, где половина небольшой комнаты была отделена решеткой. Но «обезьянник» этот, как прозвали подобные места временного содержания задержанных, обычно пустовал и его дверь постоянно была распахнута настежь.

Еще тут были письменный стол со стулом и лампой, пара табуреток, а также вешалка и сейф. Вот и вся меблировка. «ИЖ», как правило, ночевал во дворе, под окном, накрытый куском брезента. А жил Бронислав в комнате рабочего общежития, где, как в гостинице, останавливались также приезжие специалисты и всякие посредники, скупающие продукцию лесопункта. Но сейчас никого приезжих не было.

Взрывы прошедшей ночью участковый слышал, потому что еще не уснул к тому времени, а курил у раскрытого окна. Видел и всполохи огня за лесом, с южной стороны, километрах, так, в пяти или чуть побольше, если это там происходило, где он предполагал. Привычно посмотрел на свои наручные часы и отметил время: двадцать три часа тринадцать минут. Мчаться туда ночью по тайге, чтоб удостовериться, – это чистое безумие. Вот как рассветет...

А касательно огня и взрывов, которые несколько раз доносились и позже, участковый подумал, что это чего-нибудь военные наверняка опять «сочинили». Там, где грохотало и светилося зарево, находился своеобразный полигон, на котором время от времени уничтожали отслужившие свой срок боеприпасы. Когда-то был лагерь, потом его ликвидировали, контингент вывезли и распустили, позже на том месте что-то мастырили, даже технику тяжелую гоняли – это по рассказам старожилов, но так ничего и не построили, только деньги, говорят, большие в землю вбухали. Иногда военные тем огромным пустырем среди тайги пользуются. Видимо, и теперь тоже. Но утречком надо будет все же съездить, проверить – для порядка. Что бы про него, участкового, в поселке ни говорили. С тем Бронислав Иванович и уснул глубоким и спокойным сном.

Утром же, в восьмом часу, как только проснулся, он отправился к своему мотоциклу, долил в бак бензина, проверил масло, разбудил ближайшие дома неистовым ревом движка и укатил в тайгу.

Нечасто он сюда ездил. Точнее сказать, может, пару раз за все время пребывания своего в поселке, да и появляться здесь без особой нужды не любил. Наоборот, настроение становилось гнетущим, будто сама эта земля была пропитана злом и теперь излучала его, подобно радиации. И конечно же именно здесь, в этом средоточии людских бед и смертей, следовало искать причину ночных взрывов и пожара.

Посреди давно вырубленной, но уже снова щетинившейся мелкой порослью площадки размером с десяток гектаров местами догорали и дымили разбросанные в радиусе не менее сотни метров многочисленные обломки упавшего самолета.

Бронислав суеверно поежился, чувствуя непонятный озноб, и, оглядевшись, подошел к ближайшей куче почерневшего от гари металла. Подумал, что если судить о размерах разбившегося самолета, то он был явно пассажирским. Ну да, на это указывала и уцелевшая часть фюзеляжа с десятком пустых глазниц иллюминаторов, возвышавшаяся над грудями покореженного металла. Другая гряда обломков, распластанная на земле, прежде была, разумеется, крылом. В стороне, почти отдельно, дымил оторванный хвост самолета, воткнувшийся в землю почти вертикально.

Но если самолет был действительно пассажирским, то, значит, в нем могли еще находиться пассажиры! Точнее, их тела, потому что после такого удара о землю и тех взрывов, что слышны были в поселке, за семь километров отсюда, а также после бушевавшего здесь всю ночь огня вряд ли кто-то мог бы выжить. Ну а вдруг? Хотя этого не может быть никогда...

Стараясь не наступать на куски искореженного металла, обугленные куски неизвестно чего, старший лейтенант стал медленно обходить кучи обломков, внимательно глядя себе под ноги и рядом, чтобы не наступить куда не положено. Ведь приедут специалисты, начнет работать комиссия, изучая причины катастрофы, и все они станут буквально обнюхивать и чуть ли не облизывать каждый кусок обшивки или внутренностей в поисках понятных только им одним следов. Поэтому все здесь должно оставаться только на своем месте. Иначе не сложится картина, а тогда начнут искать виновного, и конечно, им может оказаться тот, кто первым появился на месте падения. Мол, специально, скажут, решил запутать следствие.

Данин обходил чадающие обломки, пристально всматривался между ними, пробовал приподнять большие куски, чтобы заглянуть и под них, но ни живых людей, ни трупов не находил. И вдруг услышал тихий, словно сдавленный стон. И долетел он с той стороны, где торчало хвостовое оперение самолета.

Осторожно, даже зачем-то расстегнув машинально кобуру пистолета, участковый на цыпочках перебежал к хвосту и замер, прислушиваясь. Слабый стон донесся опять – и источник его был где-то здесь, рядом. Но его не было видно. И лишь когда человек застонал в третий раз, Бронислав определил направление – стон доносился справа, от невысокого кустарника, буквально в пяти метрах от него.

Человек лежал на спине. Был на нем обычный, правда, разорванный и прожженный в нескольких местах костюм. Обуви почему-то не было. Ступни ног были обожжены. Лысая голова замотана окровавленной тряпкой, похожей на оторванный рукав рубашки. Лица не разглядеть. Данин легонько тронул его за плечо, но тот никак не отреагировал – был без сознания. Чем ему помочь? Только одним: вызвать врачиху из медпункта, да чтоб она там уколы какие-нибудь захватила, и вообще – что нужно тяжело раненному? Старший лейтенант достал свой мобильник, личную гордость и единственный предмет роскоши, и начал звонить в дирекцию лесопункта. Надо ж было начальству объяснить суть происшествия и что тут умирает от ран человек.

Объяснить-то он объяснил, но следом встал вопрос с транспортом – на чем «медицину» доставить? Вся техника на делянках. Сказал он, что надо бы еще и огонь погасить – сухо, опасно. И тогда с ходу нашлось решение: приедет пожарная машина – и зальет что надо, и «медицину» доставит. Правда, пока доедет, это ж черт знает что! А делать-то нечего, до города еще дальше.

Прежде чем вплотную заняться раненым, Бронислав решил побыстрее завершить осмотр обломков, там, где такая возможность еще представлялась. К самому фюзеляжу пролезть было чрезвычайно трудно, там здорово чадило и местами вырывались языки пламени.

Но если уже один человек оказался живым, то, может, еще есть кто-нибудь, кому нужна его экстренная помощь? Однако дальнейший осмотр практически ничего не дал, хотя еще два трупа участковый все же обнаружил. Один был, судя по его форме, летчиком, и лежал он, как и первый, немного в стороне от места катастрофы. Заметен был на земле и след волочения его тела – кровавая прерывающаяся дорожка от кучи обломков самолета до кустарника, рядом с которым тело лежало. Это говорило о том, что оттаскивали человека от бушевавшего, видимо, огня еще живым. И хотя китель и брюки были прожжены во многих местах, кожа на голове только что не обуглена, на лицо смотреть страшно, сплошная обгорелая маска, но кровь-то еще текла, вот в чем дело. И если бы помощь пришла сразу, кто знает, может, и остался бы жить летчик. Калек, но... да какая это жизнь! А умер он позже – от этих самых ожогов либо от большой потери крови. Медицина, конечно, установит причину. Важно другое: и того, первого, что стонет в кустах, и этого вытащили же из-под горящих обломков. Значит, должен быть еще кто-то живой?

И вот он нашелся – еще один мужчина, третий. Средних лет, в изодранном костюме и с залитым кровью лицом. Только лежал он почему-то посреди обломков правого крыла лицом

вниз и казался просто уснувшим. Бронислав понял, что тот мертв, лишь когда перевернул тяжелое тело на спину. Все лицо этого человека было в крови, а посреди лба – характерное такое отверстие, какое оставляет пуля, выпущенная практически в упор. Причем, подумал он, стреляли в живого человека, иначе бы столько крови не натекло. А потом уже перевернули лицом вниз. Встречался с такими смертельными ранениями старший лейтенант, когда учился в милицейской школе. В морге видал, куда иногда бандитов доставляли после разборок. Это чтоб санитары заgrimировали дырки, обмыли, приодели и к торжественным захоронениям братков приготовили.

Продолжая осмотр трупа, Данин обнаружил лежащий рядом с телом пистолет Макарова. Это уже совсем интересно, подумал он. Что здесь, перестрелка, что ли, была? Но кого с кем? Впрочем, все это установит следствие. Не его это дело, сам он пройдет лишь свидетелем по нему.

И сейчас же подумал, что если и тут произошла какая-то разборка, то все его свидетельства будут только лишними. Или вообще опасными для него самого. Бронислав закончил осмотр и вернулся к раненому. Была бы аптечка с собой, мог бы чем-нибудь помочь, а так? Даже фляжку с водой не захватил. Придется ждать.

Потом ему надоело сидеть без дела. Он вытащил из кучи металла кусок пошире, положил его вплотную с раненым, стараясь не делать резких движений, осторожно перетащил мужчину на этот лист, уложил поудобнее и поволок, как на салазках, к дороге. Вроде и недалеко, а запыхался.

Поглядел на свои часы – шел уже одиннадцатый час! Это ж сколько он здесь провозился? Неужто около двух часов?! А ведь собирался в город дозвониться. Нехорошо получилось.

И Данин позвонил дежурному по отделу милиции на воздушном транспорте – это ж их прямое дело! – а потом минут десять объяснял, кляня себя и чувствуя почти физически, как улетают с его мобильного кровные рублики, что здесь, на «чертовом полигоне», произошло. Хоть это, последнее, расшифровывать не пришлось, дежурный, оказывается, уже знал про катастрофу, им туда уже с утра звонили, и сюда выехала оперативно-следственная бригада. «Скорая» тоже отправилась.

Дежурный записал фамилию участкового и велел ему никуда не отлучаться, чтобы встретить бригаду, которая вот-вот прибудет.

Оставалось выяснить, когда прикатит, наконец, «пожарная» с врачихой. Секретарша директора ответила, что машина только что прибыла, ездила на озеро заправляться водой, свой гидрант у них не работает, а теперь ожидают врача, подойдет с минуты на минуту – у нее прием в амбулатории. Вот так мы и работаем, вздохнул Бронислав Данин и отменил вызов. Нужды в нем уже не было. С минуты на минуту должны были подъехать из города. Там все-таки специалисты.

А пока он решил еще раз осмотреть обломки – вдруг кого-то пропустил. Не могли же в большом самолете лететь только три человека! Но потом он сообразил, что этих троих могло просто выбросить из кабины и салона, когда самолет разломился при ударе о землю. И это значит, что остальные могли оставаться внутри самолета, там, откуда все еще выплескивались языки пламени. Вряд ли они смогли выжить внутри. Да и не подойти близко, вдруг еще что-нибудь рванет – вчера-то были слышны несколько взрывов, может, груз какой, мало ли?

Он все же посунулся поближе, прикрывая лицо от жара, истекавшего из помятого корпуса самолета. И тут неожиданно увидел такое, чему поначалу просто не поверил. Он видел однажды подобную вещь в Чечне, когда их бросили на выручку подбитой «сушки». Они, конечно, опоздали и, когда добрались до обломков боевой машины, пилота уже не обнаружили – боевики, ухитрившиеся расстрелять самолет, летевший на «бреющем», уже уволокли с собой летчика. Потом стало известно, как его выкупали, но это уже другая история. А у того самолета весь правый борт был располосован рваными отверстиями от пуль.

Ту же картину Данин увидел и здесь, чему весьма удивился. Строчка пулеметной очереди протянулась наискосок и была короткой, не больше десятка отверстий насчитал участковый. Но все дело в том, что она была! Это что же, и здесь, получается, нашелся боевик, который попытался сбить гражданский самолет? Да что значит – пытался! Сбил ведь! Хотя вряд ли это попадание стало причиной авиакатастрофы. Но глазам же нельзя не верить...

И тут Данин услышал приближающийся шум мотора. Он выбрался из кучи металлических обломков, куда успел забраться, и направился к дороге, где на обочине лежал единственный оставшийся в живых пассажир упавшего самолета.

Глава вторая

Тугой узел

1

Аппарат громкой связи, называемый интеркомом, пискнул и несколько раздраженным голосом Меркулова произнес:

– Александр Борисович, зайдите, пожалуйста!

– Костя нынче официален и чем-то явно недоволен, – сказал себе Турецкий. Он захлопнул папку с документами, которые читал, сунул ее на верхнюю полку открытого сейфа за своей спиной, запер его, бросил ключи в карман и, взяв со стола толстую книгу в коричневом переплете, отправился в кабинет заместителя генерального прокурора. Книга, которую он захватил с собой, не имела ни малейшего отношения к тому, чем и в данный момент и вообще занималась Генеральная прокуратура. Но первый помощник генерального прокурора Турецкий имел намерение с ее помощью вывести своего друга и начальника – из всех замов генпрокурора Костя один имел право распоряжаться судьбой и временем Александра Борисовича, поскольку являлся заместителем генерального по следствию. Таким образом, Турецкий был как бы помощником сразу двух начальников.

Как уже давно известно из мировой классики, быть одновременно слугой двух господ хоть и суетно, и накладно порой, но есть в этой ситуации определенная прелесть. Всегда, чтобы отвертеться от какого-нибудь неприятного задания, можно сослаться на занятость по причине указаний другого шефа. Не станут же они без конца проверять, правду говорит помощник или лукавит. Хотя, если сказать по чести, то пользовался этим своим преимуществом Александр Борисович крайне редко.

А сейчас он подозревал, что, кажется, воспользоваться-таки придется. Слишком громким эхом отозвалась недавняя весьма странная, нет слов, гибель министра Минтяжэнергопрома. Масса всякого непонятного. И официальный тон Кости как раз и указывал на то, что другу своему Сане он уже приготовил очередную бяку, а теперь не знает, как обставить неприятное поручение.

Между прочим, во время утренней информации генеральному прокурору Турецкий особо отметил этот вопрос, пояснив, что им активно занимается краевая прокуратура, работающая рука об руку с правительственной аварийной комиссией государственного авиационного ведомства, у которых уже сложилось, по их сообщениям, свое, достаточно твердое мнение. То есть, другими словами, следствие перевалило свой Рубикон, и дальше дело вроде бы должно катиться как по маслу. Все склоняется к элементарным нарушениям летной инструкции. Экипаж неверно рассчитал угол захода на посадку. Так его, Турецкого, во всяком случае информировали из Белоярска, так и он счел возможным проинформировать генерального прокурора. На тот случай, если тому станут звонить и интересоваться данным вопросом, в смысле – ходом расследования, из кремлевской Администрации.

Поэтому неизвестно, что Косте надо и чем он недоволен. Именно для этой цели, чтобы чуточку исправить настроение, подкавав отвлекающую внимание тему, Александр Борисович и прихватил с собой книгу, которую открыл совершенно случайно, увидев у дочери на столе. У нее в классе проходили Тургенева, и закладка в книге лежала как раз на статье о нем. Любопытные мысли!

Но когда Турецкий, постучав исключительно для приличия, открыл дверь, он сообразил, что сейчас не до книжки и всякого рода экзерсисов. За столом для заседаний, напротив

Меркулова сидел совсем молодой человек. Так он выглядел внешне, хотя, как знал Турецкий, этому помощнику главы кремлевской Администрации уже где-то около сорока. Но все равно мальчишка. Хотя в настоящий момент он сосредоточенно хмурил свой чистый лоб, на котором и намек не было на какие-либо морщинки, свидетельствующие о напряженном умственном труде.

Турецкий сдержанно склонил голову и вопросительно уставился на Меркулова.

– Вы знакомы, полагаю, с Георгием Ивановичем? – спросил зам генерального.

– Так точно, – по-военному ответил Турецкий и только что не прищелкнул каблуками. Как же, мол, такая честь! И изобразил на лице жизнерадостную улыбку.

Но Меркулова нельзя было провести. Он негромко хмыкнул и показал рукой на стул:

– Садись, разговор есть.

«Уже на „ты“, – отметил про себя Александр Борисович, садясь и откладывая книгу в сторону. – Чем же Кремль недоволен? Неужто белоярским делом? Ну и хорошо, утренняя информация может пригодиться...»

Между тем Георгий Иванович с интересом повернул голову к отодвинутой книге и склонил ее набок, чтобы удобнее было прочитать на корешке имя автора и название. Прочел-таки и, удивленно вскинув брови, посмотрел на Турецкого.

– Художественной литературой интересуетесь, Александр Борисович? – И непонятно было, чего больше прозвучало в вопросе – любопытства или иронии.

– Нет-с, – снова изобразив улыбку, ответил Турецкий, – юриспруденцией, с вашего разрешения. Анатолий Федорович Кони был известнейшим русским юристом – в первую очередь. Зван самим Столыпиным в министры юстиции, но отказался. В ту пору это было естественным делом. Честь там, достоинство, убеждения, прочее, понимаете?..

– Намек понятен, – усмехнулся Георгий Иванович. Он посмотрел уже без тени улыбки на Меркулова и закончил: – Я думаю, ваш выбор будет правильным, Константин Дмитриевич. Так я и доложу. Ну... – Он привстал. – Если ко мне у вас не будет вопросов, я не стану вам мешать?

– Лично у меня вопросов нет, – ответил Меркулов, – а что касается Александра Борисовича, то я полагаю, у него всегда найдется возможность, если что, связаться с вами?

– Без сомнений. Моей информацией, Константин Дмитриевич, можете располагать по своему усмотрению. Хотя, как вы понимаете... прессе пока об этом знать не обязательно. Рановато, скажем так.

– Я вас прекрасно понимаю, – Меркулов усмехнулся.

Георгий Иванович протянул руку Турецкому, тот привстал, пожав ее, затем попрощался с Меркуловым и, бросив: «Не провожайте», пошел к двери. Обернулся, еще раз кивнул и вышел.

– Чего это ты? – спросил Костя, когда дверь за гостем закрылась.

– Терпеть не могу этих петушков.

– Не-е, ты зря, он не из этой породы. Не догадываешься, зачем позвал?

– Я сегодня уже информировал нашего генерального по поводу белоярского расследования. Там уже наметился финиш. А что, в Администрации ничего не знают?

– Возможно. – Костя пожал плечами. – У них действительно неважно с информацией. А может быть, как раз наоборот. Следствие, милый мой, вовсе не закончено. А их ответы больше напоминают мне отписки. Ты не ходи далеко, вспомни собственные дела. С тем летчиком, что потом Героя получил – посмертно. Или про покойного генерала – губернатора.¹ О чем следствие тогда информировало, причем с настойчивостью, достойной куда лучшего применения? Ошибки пилотов, и только. А ты что доказал? Помнишь? То-то... Не торопись с окончательными выводами, сделанными к тому же не тобой.

¹ См.: Незнанский Ф. Заложник. М., 2003; Прощай, генерал... прости! М., 2004.

– Так, из твоего страстного монолога, Костя, я должен сделать вывод, что в Кремле раследованием крайне недовольны и я должен заткнуть собой дыру «высокого недоверия»?

– Ну вот видишь, как ты всегда все верно понимаешь! Даже скучно с тобой, ей-богу! А я думал, придется уговаривать, умасливать, чего-то обещать в качестве компенсации. А ты... ну, просто молодец!

– погоди, я не давал еще никакого согласия!

– А оно мне требуется? Ты сам подумай. Разве ты хочешь, чтобы те же слова тебе высказал наш генеральный, но уже в присущей ему манере? Тебе это надо? Тем более что мы с Георгием Ивановичем уже подробно обсудили твою кандидатуру и пришли к единому мнению, что это будет правильный выбор. Сам слышал только что. Формируй группу, забирай своего Вячеслава – вы ж друг без друга жить не можете, а с его министром я сам, так и быть, договорюсь. И... с богом! Слушай, а зачем ты, кстати, Кони-то притащил? Интеллектом хвастаешься?

– Нет, думал тебе настроение исправить, да вижу – нет необходимости.

– Неправильно видишь. Настроение в самый раз. Давай, чего у тебя там? – Костя кивнул на книгу.

– Да я хотел тебе немножечко процитировать, а теперь не знаю, надо ли?

– Ну, как считаешь... Книжечку-то все-таки покажи. – Костя взял книгу, полистал, заглянул в оглавление и, отдавая, спросил: – А при чем тут юриспруденция? Это ж одни воспоминания о писателях? У кого взял?

– У Нинки. Посмотрел вот, полистал, вроде тебя сейчас, и убедился, что, оказывается, некоторые юристы умели писать умные вещи, а не только указания и распоряжения.

– Намечаешь? Фрондируешь?

– Ага, я, как тот министр из «Обыкновенного чуда», взбунтовался. Ну, так не хочешь послушать?

– Валяй, все равно ведь не отвяжешься. Да и я решения, между прочим, не изменю.

– А ты меня не страшай. Мне чего нужно? Официальное указание, возьму под козырек, и только меня здесь видели. Кстати, цитатка имеет, по-моему, непосредственное отношение к тому, о чем вы тут, возможно, тайно беседовали с представителем государственной власти. Вот, обрати внимание...

Турецкий открыл книгу, нашел нужную страницу и сказал:

– Нинка в школе Тургенева сейчас проходит, а это из статьи именно о нем. Речь тут об отмене крепостного права в России и, главным образом, о политике Николая Первого. Посмотри, какие неожиданные аналогии возникают. «Несомненно, что он, – это царь имеется в виду, – желал видеть Россию освобожденную от крепостного ига, но захотеть этого и в таком смысле проявить прямо и бесповоротно свою волю – не находил в себе решимости. Поэтому все его царствование прошло в отдельных мерах, обсуждение которых было обставлено строжайшей „келейностью“ и которыми предполагалось достигнуть смягчения, не совместимого ни с человеческим, ни с государственным достоинством, порядка. Но ничего цельного, пролагающего новые пути для народной жизни, сделано не было. Со своими великодушными желаниями государь был почти совершенно одинок...» Ну и так далее. Ничего не напоминает? Не подсказывает? Вы подобную проблему обсуждали с гонцом из Кремля?

– Ты будешь удивлен, нет. Хотя, с другой стороны...

– Вот у нас все так: с одной стороны, с другой стороны...

– Это понятно... – протянул Меркулов. – Но раз уж зашла речь о нерешительности в отношении некоторых вопросов, я тебе, пожалуй, перескажу суть нашей беседы... А касательно своего времени твой Кони прав. И поскольку у тебя возникают вполне конкретные аналогии, это лишний раз доказывает, что ничего нового под луной не бывает, все движется вот так... – Костя очертил пальцем несколько кругов. – России не сильно везло с верховной властью: либо диктатор, либо вот такой, нерешительный – всё крайности. Но и то и другое говорит, в конеч-

ном счете, о наплевательском отношении к закону как таковому. Похоже, что и великодушные в большой политике – штука вредная... Ну ладно. Давай вернемся к позиции нашего президента в связи с «Восточным проектом» и тех его оппонентов, которые, скажем мягко, по некоторым предположениям, уже от слов перешли к делу.

– Ага, ты, похоже, и подсказываешь решение? Собственное или кремлевское?

– А вот в этом, как я полагаю, тебе и предстоит разобраться. Вам с Вячеславом. Задействуй его на полную катушку. И помни, что с вами там особо церемониться не будут. Поэтому на рожон не лезьте и постарайтесь быть дипломатами.

– Между прочим, как тебе хорошо известно, я в Белоярске не впервой и тамошнюю публику знаю. А Славка – тем более.

– И тем не менее постарайтесь не очень... Ну, слушай...

2

Заместитель директора Департамента уголовного розыска МВД генерал-майор милиции Грязнов всю вторую половину дня провел на коллегии у министра, и созвонился с ним Турецкий лишь в самом конце дня. Вячеслав Иванович, оказывается, уже был полностью в курсе нового задания, исходившего от кремлевской Администрации, а по уверенному тону, с которым говорил с ним министр, от самого президента. Поэтому, когда позвонил Александр, Грязнов предложил тому подъехать на Енисейскую, к себе домой, чтобы за ужином и обсудить, что нужно, и, соответственно, наметить.

И вот они сидели за столом, друг напротив друга, в просторной кухне и с вождением поглядывали, как на газовой плите в большой чугунной сковородке, придавленные гнетом, шкварчали, остро благоухая, цыплята табака. Грязнова не задевали вопросы о птичьей гриппе, экологически чистая продукция доставлялась из подмосковного хозяйства, давно известного ему. Разговор шел по теме ближайшей командировки. Они решили поступить так: выслушать друг друга не перебивая, чтобы в порядке возможной дискуссии не уклониться далеко в сторону, а затем уже обсудить известное и сделать некоторые общие выводы.

Турецкий пересказал Грязнову все, что узнал сегодня от Меркулова, ну и плюс то, о чем прочитал утром сам в факсе белоярской прокуратуры, которая обязана была ежедневно информировать Москву о том, какая новая информация была добыта следственными органами за истекшие сутки. Все понимали, под чьим контролем находится дело и чем может грозить невнимание к указаниям сверху.

Грязнов в свою очередь рассказал о том, что сумел выудить сам, созвонившись после беседы у министра с Белоярским краевым управлением уголовного розыска, где у него имелся свой толковый кадр в чине майора милиции по фамилии Грач. Причем разговор состоялся не сразу, а только после того как Вениамин Васильевич, узнав Вячеслава Ивановича, сказал, что перезвонит чуть позже, как освободится. Он и освободился через пять минут – очевидно, вышел со своим мобильником из помещения на улицу, чтоб «случайно» кто-нибудь из коллег не подслушал. Уже сам по себе звонок Грязнова говорил ему о том, что Москва крайне обеспокоена положением дел с расследованием авиакатастрофы, в которой погибли все семь человек – четыре пассажира, среди которых был министр, и трое членов экипажа. Сгорели и без специальной генетической экспертизы не подлежат идентификации четверо, а троих идентифицировали, это министр Сальников, его телохранитель Гаранин и командир экипажа самолета Рутченко. Причем Рутченко в течение десяти часов еще оставался живым, и, если бы помощь пришла вовремя, кто знает, как повернулась бы его судьба. Однако местные власти никакой помощи не оказывали до тех пор, пока уже утром не стали в буквальном смысле «бомбить» милицию своими звонками случайные свидетели, слышавшие взрывы. Министр был найден внешне не пострадавшим от авиакатастрофы, но умер он от пулевого ранения головы, что

странно само по себе. Однако этот факт нигде не проходит. Наконец, последний, Гаранин, скончался в госпитале спустя три дня после катастрофы. Несмотря на сложнейшую операцию, которую сделало ему местное хирургическое светило. Там же, в госпитале, и было объявлено, что Гаранин умер, не приходя в сознание. Впрочем, у Грача имелось на этот счет и свое мнение, которым он готов был охотно поделиться с Грязновым, но только при личной встрече.

Вячеслав Иванович ответил, что так оно, скорее всего, и будет если уже не завтра, то послезавтра – точно. Но пока, тут же добавил он, зная, что Веня Грач умеет держать язык за зубами, ни об этом их разговоре, ни о дате прибытия в Белоярск следственно-оперативной бригады Турецкого – Грязнова не должна знать ни одна живая душа. Потому что не исключено, местные сыщики вкупе с московской аварийной комиссией могут начать немедленные «зачистки», чтобы убрать ненужные свидетельства и возможные улики. Они все равно узнают, найдутся «доброжелатели», которые немедленно доложат о надвигающейся опасности, это как пить дать. Но пусть это произойдет тогда, когда у них уже вовсе времени не останется. Второпях нельзя не наделать явных ошибок.

Другим не менее странным фактом, о котором почему-то все ответственные лица предпочитали молчать, являлось то, что на месте падения самолета не были обнаружены его «черные ящики», фиксирующие всю информацию о переговорах пилотов с землей, об их действиях и о возможных нарушениях в системе управления самолетом. То есть пропало бесследно именно то, без чего никакое достоверное расследование факта гибели машины и людей по идее невозможно. Это что, случайность? Или чья-то заранее продуманная «инициатива»?

Имелись и еще факты, в частности показания диспетчера аэропорта, на которые никто из комиссии почему-то не хотел обращать внимания, дескать, они не заслуживали доверия. Другими словами, в Белоярске явно творилась какая-то чертовщина, но обсуждать ее по мобильной связи было бы слишком дорогим удовольствием.

Рассказал прямо-таки вездесущий Грач и еще об одном, совсем уже выходящем за рамки разумного объяснения факте. Но опять-таки пользуясь слухами. Якобы как раз сегодня было дано указание самого начальника краевого УВД Горбенко, официально возглавившего оперативно-следственную бригаду, сформированную в Белоярске, о том, что в ближайшие день-два родственники погибших получают разрешение произвести захоронение трупов. Тех, что уже идентифицировали, с остальными придется подождать до генетической экспертизы. Мол, судебно-медицинская экспертиза уже свое дело сделала и дальше тянуть с похоронами троих погибших нет смысла. Тем более что гробы придется еще переправлять в Москву. Но на самом деле, как говорили между собой сотрудники УВД, никто никаких заключений судмедэкспертов и в глаза не видел. Да и местные врачи при деликатных расспросах отрицали какую-либо свою причастность. Другими словами, происходило действительно нечто совершенно непонятное. Нет, кому-то, вероятно, даже очень понятное и нужное, но только не делу. Будто все они там старались поскорее избавиться от трупов как от опасных свидетельств. А что, нельзя исключить.

Грач, почувствовал Грязнов из недолгого разговора с ним, был искренне обрадован известием о приезде бригады Генпрокуратуры и МВД. Не вдаваясь в подробности, а просто констатируя некоторые факты, известные, разумеется, в городе и у них, в уголовном розыске, Веня указал еще на ряд существенных нестыковок, имеющихсся в расследовании. И все это при том, что сам он в расследовании задействован не был, следствие ведут краевая прокуратура и транспортная милиция. А у транспортников задействован, по сути, только один толковый мужик – это зам начальника, подполковник Симагин. Но его аргументы, похоже, никто не принимает во внимание, поскольку у генералов свое твердое мнение. Ну, как обычно. А потом было заявлено еще в самом начале, что прибудет достаточно компетентная и авторитетная аварийная комиссия из Москвы, а от местных органов им потребуются лишь некоторая оперативная помощь. Вот поэтому в краевую следственную бригаду в качестве одного из членов от уголов-

ного розыска вошел также лишь его начальник, полковник Крайнев, да и то чисто формально, для галочки, вроде как бы сам себя назначил. Дело-то все-таки пахнет уголовным преступлением!

Вячеслав Иванович о Симагине ничего не слышал, а об этом Крайневе слышал, и вовсе не от Грача, который, несмотря на свои отличные деловые качества, наверняка имел личные антипатии к упомянутому полковнику, то есть мог оказаться лицом необъективным. Другие люди, знавшие полковника, утверждали, что тот – карьерист в самом прямом и, соответственно, неприглядном его виде, а все его жизненные планы сводятся к альтернативе: добиться перевода в Москву либо, на худой конец, занять генеральскую должность, как-нибудь отодвинув в сторону Сидора.

Поговорили и об этом Сидоре Остаповиче Горбенко, многолетнем начальнике краевого УВД, возраст которого подходил к шести десяткам, и, судя по всему, никакие перспективы ему уже не светили. Но что странно, а может, даже и интересно – Сидор умел отлично ладить со всеми губернаторами, коих в крае за последний десяток лет сменилось уже четверо, и ставить на его место кого-то новенького, похоже, и у нынешнего губернатора Прохорова охоты не было.

Вот поэтому, наверное, и мучился неким раздвоением пятидесятилетний полковник Крайнев, старательно прибываясь к москвичам и, вероятно, рассчитывая, что в конечном счете их успех может стать отчасти и его собственным. Вопрос лишь в том, как подать себя. Словом, самый обыкновенный карьеризм в чистейшем его виде, заметный даже невооруженным глазом.

Впрочем, последний вопрос не сильно заботил Вячеслава Ивановича. Если участие Крайнева и понадобится в расследовании, то ему с первой же минуты будет четко определено его место. И никаких инициатив.

А что касается Сидора, то этот вопрос можно передать на усмотрение Александра Борисовича. Турецкий не любит церемониться с фигурами, заменяющими конкретное дело своим «звездным» присутствием. И вряд ли помощь Горбенко вообще потребуется, если... ну да, если вдруг не возникнут соображения частного порядка. К примеру, появится необходимость услышать веское слово начальника, всегда действующее на его непосредственных подчиненных как удар Зевсова грома. Но об этом разговор пойдет отдельный.

Еще Грязнов предупредил Грача, чтоб тот ни в коем случае не проводил несанкционированного собственного расследования. Достаточно уже того, что сделано. Вот когда соберемся, пообещал Вячеслав, обсудим, решим, тогда и возьмемся по новой за свидетелей, на которых нынешнее следствие, судя все по той же просочившейся информации, старательно не обращает своего внимания. А сам этот факт запомнил Грязнов и велел Грачу вести себя максимально осторожно.

Но по-настоящему удивило его и отчасти насторожило известие о том, что в крае вот уже почти неделю пребывает директор Департамента милиции на воздушном транспорте генерал-майор Митрофанов. Известно, что прибыл он в Белоярск якобы чтобы отдохнуть у своих старых знакомых – генерал был родом из этих мест – и вроде бы рыбку половить. Ничего о нем слышно не было, пока не случилась авиакатастрофа. И тут он немедленно выскочил со своими инициативами. А сейчас практически осуществляет полный контроль над расследованием трагического происшествия вместе с первым заместителем погибшего министра Смуровым. Причем злые языки поговаривают, что они родственники – то ли благодаря женам, то ли еще каким-то образом. Вот, собственно, от них двоих все и зависит. Что скажут, то и будет. А государственная аварийная комиссия разрабатывает единственную версию – ошибка экипажа, и об этом всем известно. И полковник Крайнев постоянно озвучивает ее в местных средствах массовой информации – мол, виноватых нет, все погибли, значит, и спрашивать не с кого. А главный белоярский милиционер Горбенко важно надувает щеки.

Прекрасно понимал это возбужденное состояние майора Вячеслав Иванович. Так всегда случается, когда якобы входят в противоречие столичная и провинциальная точки зрения на

какое-нибудь важное дело местного значения. Кондовый патриотизм, можно сказать. Он и не мешает, если направлен на конкретное, конструктивное дело. В противном случае становится серьезной помехой, и избавиться от него можно разве лишь с помощью резких и далеко не популярных решений. Но это еще потерпит, может подождать. А вот родственные связи – это интересно, хотя может не быть ничего криминального. Однако нюхом старого сыщика Грязнов учуял здесь некую любопытную загадку и сразу сделал, подобно опытной охотничьей собаке, стойку.

Закончил он недолгий разговор с Белоярском еще раз категорическим требованием не предпринимать никаких телодвижений без его команды. Но быть при этом готовым по первому же сигналу развить бурную деятельность. А значит, надо срочно подготовить ту опору, на которую во время прыжка должна будет наступить толчковая нога. Загнул, конечно, сам понимал, но не мог отказать себе в образном, так сказать, видении проблемы. Главное же, чтоб Грач оценил.

Турецкий смеялся, но информация, а главным образом резоны друга насторожили его. Дело надо было тщательно обдумать, еще до отъезда в командировку. Вот этим самым обдумыванием они и занялись, когда цыплята были съедены с большим аппетитом, а также запиты целебным напитком, открывающим души навстречу истине.

Они решили, что указание в краевую прокуратуру оставить тела погибших в покое будет дано уже завтра утром из Генеральной прокуратуры. И без всяких объяснений. Как приказ, который не обсуждается. Пусть себе там думают что хотят.

Далее, после рассказа Кости о разногласиях в Минтяжэнергопроме по поводу китайско-японских противоречий, о чем Александр Борисович поведаль Вячеславу Ивановичу, комментируя своими личными соображениями, он предложил оставить до особой надобности в Москве двоих человек, которым верил без всякого сомнения. Это были старший следователь Генпрокуратуры, «важняк» Владимир Поремский и старший оперуполномоченный уголовного розыска, Яковлев, тоже Владимир – из грязновского ведомства. Оба тезки были достаточно молоды, легки на подъем, настойчивы и профессиональны, являясь фактически постоянными членами следственно-оперативных бригад, которые приходилось возглавлять Турецкому. Вот им и собирался теперь предложить Александр Борисович провести в самом министерстве расследование причин, которые в конечном счете могли привести к катастрофе. Ведь сказано же, что кирпич на голову просто так, без посторонней причины, не падает. И если вокруг падения самолета уже накручено столько тайн, что солидная аварийная комиссия предпочла опереться на совершенно непроверяемый, зато открыто лежащий на поверхности факт, даже и не требующий внимательного рассмотрения, – кто знает, куда выведет такое следствие.

Если гибель самолета не случайна, – а уже имеющиеся и даже непроверенные сведения указывали на то, что несчастным случаем тут, похоже, и не пахнет, иначе и президентская Администрация так не всполошилась бы, – то расследование событий вокруг Сальникова следовало начинать с самого министерства. Люди много знают, правда, не всегда готовы поделиться своими знаниями. Но вот нащупать тех сотрудников министерства, которые смогли бы пролить свет на тайные пружины деятельности министра, за что ему доверял президент, но что, в свою очередь, словно бы лишало его поддержки коллег из ближайшего окружения, этим вопросом и предстояло вплотную заняться двум Владимирам.

Таким образом, Грязнов с Турецким наметили себе план ближайших действий, распределили между собой и членами бригады роли и обязанности и смогли, наконец, позволить себе расслабиться уже всерьез. Ведь когда цели определены, а задачи ясны, остается, подобно Никите Сергеевичу Хрущеву, закончить звонкой когда-то, а ныне почти забытой фразой: «За работу, товарищи!»

А ведь когда-то, лет сорок с чем-нибудь назад, она звучала без тени иронии...

3

Встреча в белоярском аэропорту «Надеждино» была несколько скованной, но по-своему многозначительной. Турецкий с Грязновым переглянулись, скрывая усмешки.

Дело в том, что вместе с ними прилетели две женщины: старший оперуполномоченный первого отдела Департамента угрозыска МВД РФ, капитан милиции Галина Романова и кандидат медицинских наук, врач из Бюро судебно-медицинской экспертизы комитета здравоохранения Москвы Анастасия Масловская. Два Володи, как и было решено, пока оставались в столице. На них «висело» министерство и семья покойного министра. Таким образом, московская бригада выглядела, мягко говоря, пикантно: двое крепких и далеко не старых мужчин в генеральских погонах и с ними две весьма привлекательные внешне молодые женщины. И когда прилетевшие сходили по трапу, их прибытие выглядело так, будто две симпатичные парочки решили заняться здесь в первую очередь продуктивным отдыхом, а вовсе не кропотливой работой.

Предвидя именно такую возможную реакцию, Грязнов с Турецким посчитали, что это будет для начала не самый худший вариант. Пусть встречающие думают, что москвичам действительно их белоярские проблемы – до лампочки. Возможно, и не станут в этой связи поначалу ставить препоны в расследовании. Это – хорошо, тем горше окажется дальнейшее разочарование.

А встречали «гостей» полковник Крайнев – видимо, по ведомственной необходимости, и подполковник Симагин – зам начальника отдела милиции на воздушном транспорте, поскольку именно он и возглавлял в действующей следственной бригаде группу своих оперативников. Его шеф Лямкин, как выяснилось, бюллетенил и прибыть в аэропорт не смог, хотя, по его словам, и очень хотел, но в данную минуту находился на домашнем режиме. Было и еще несколько офицеров милиции и сотрудников прокуратуры – вероятно, для общего фона. Бедновато, вообще-то говоря. Не уровень, конечно, если становиться в позу. Ни тебе губернатора, ни московских деятелей, загостившихся тут, ни краевого прокурора, ни начальника УВД, – встречали, так сказать, только второстепенные лица.

Напрашивались два вывода. Либо местные деятели, разочарованные тем, что им не доверяет Центр, решили продемонстрировать таким вот образом свое недовольство, либо же это сделано опять-таки сознательно, но с другой целью: продемонстрировать, кто здесь главный. И указать также на то, что этот «главный» занят важнейшими государственными проблемами и не может позволить себе отвлекаться на какие-то формальные мероприятия типа организации «торжественных встреч» в аэропорту, у трапа самолета. И как вскоре выяснилось, был задействован именно второй вариант.

Ну, что касается Митрофанова, Смурова, начальника УВД Горбенко и краевого прокурора Зинченко, как с ходу объяснили встречающие, то те готовы встретиться с Турецким и Грязновым и поделиться своими мыслями по поводу следствия и собранной информацией прямо на месте, в штабе, расположенном в прокуратуре, в любое удобное для прилетевших товарищей время. После чего москвичей был готов принять у себя в резиденции и губернатор – для прояснения любых могущих возникнуть на первых порах вопросов. Губернаторская резиденция, построенная еще его предшественниками, находится за городом, но относительно недалеко. И там есть буквально все условия и для серьезного, доверительного разговора, а также, соответственно, для отдыха. Не вся же наша жизнь состоит только из работы, надо иногда давать и передышку утомленным мозгам. Так пошутил, информируя прибывших, приветливо улыбающийся полковник Крайнев и не удержался, зыркнул глазами, словно подчеркивая подхалимской ухмылочкой присутствие двух таких элегантных женщин, несомненно, генеральских спутниц, остановившихся немного в стороне от общей группы. И было понятно,

почему ни Турецкий, ни Грязнов до сих пор не представили их встречающим хозяевам. Ну конечно, все ясно, о чем речь!

– Отлично сработано, – негромко заметил Турецкий, обернувшись к Грязнову. – Пожалуйста на поклон, господи...

– У меня предложение, – так же тихо отозвался Грязнов. – Давай девчат отвезем в гостиницу, пусть устраиваются пока, да мы и сами должны поселиться, сумки бросить, пообедать, а там уже и решим, с чего начнем. Мне почему-то кажется, что все эти званные встречи нам с тобой сейчас и на хрен не нужны...

– Согласен. Давай.

– Тогда ты отвлеки полковника, а я перекинусь парой слов с Симагиным, мне говорили, что с ним можно, вроде наш человек.

Турецкий кивнул, взял полковника под локоть, демонстрируя полное свое расположение к нему, и отправился к месту получения багажа. Не на один ведь день прилетели, поэтому и сумки были набиты соответствующим образом, особенно у женщин.

Остальные встречающие, не получив никакой команды, двинулись следом, вежливо пропустив вперед женщин.

– Борис Егорович, – остановил Симагина Грязнов, – мы здесь не впервые и в прошлые приезды останавливались обычно в вашем «Хилтоне».

– Скажете тоже! – ухмыльнулся подполковник. – Какой уж там «Хилтон»! Разве что восточносибирского разлива. Да и то – по бедности.

– Во-во, я именно об этом, уж не обижайтесь. А теперь куда подскажите?

– Так для вас с Александром Борисовичем губернатор приказал освободить два люкса в «Енисее». Это у нас новый гостиничный комплекс, в прошлом году открыли. Там и вашим спутникам будет удобно, – несколько смущенно добавил он. – А это – в самом центре, на бульваре, знаете?

– Нет, еще не видел. Я хотел вам лично сказать, что сознательно не представил здесь наших спутниц. Одна из них – старший оперативник из моего Департамента уголовного розыска, а другая – судебно-медицинский эксперт. Можете мне поверить, отличные работники.

– Извините, мне как-то в голову не пришло, – совсем смутился подполковник.

– Ничего страшного, – усмехнувшись, успокоил его Вячеслав Иванович, – все равно ведь треп пойдет, что москвичи с собой баб привезли, верно? – И он в упор уставился в глаза Симагина.

Тот отвел взгляд.

– Вот и пусть поболтают. А мы пока не станем обсуждать эту тему, понимаете? Вы в курсе и – достаточно. А остальные пусть думают что хотят. Кстати, как вам полковник Крайнев? Горбенко-то я давно знаю и думаю, что за то время, что мы не виделись, он вряд ли изменился, так?

Симагин как-то неопределенно пожал плечами и неохотно ответил:

– Горбенко – по-прежнему монумент самому себе... А Крайнев? Он мой коллега... В смысле – в оперативно-следственной бригаде. Честно говоря, большой помощи от него не ощущаю. Но утверждают, что опытный работник... – Симагин явно не хотел обсуждать достоинства и недостатки начальника краевого угрозыска.

– Кто утверждает, если не секрет? – не отставал Грязнов.

– Видимо, те, кто его хорошо знают.

– А откуда ж тогда такие проколы с расследованием, если он грамотный сыскарь? Я частично информирован. Но именно частично и рассчитываю теперь на вас в первую очередь. Поскольку слышал достойные отзывы.

Грязнов сознательно польстил, с генеральской прямолинейностью преувеличив ту характеристику, которую выдал ему в телефонном разговоре Грач. Надо ж было вербовать на свою

сторону стоящие кадры! И подполковник снова засмутился, будто услышал в свой адрес бог весть какую похвалу.

– Ясно, закрыли тему. Слушайте, а может, нам все-таки не ставить себя в зависимость от высокого местного руководства? Может, лучше отправиться в ваш «Хилтон» и поселиться себе спокойненько в четырех нормальных номерах? Без всякой помпы. И кстати, надо иметь в виду, что скоро к нам могут прилететь еще, как минимум, двое, а то и больше, членов бригады. Это я заранее говорю, на тот случай, если у вас туго с гостиницами.

– Оно не то чтобы туго, но... время сейчас такое, приезжих очень много. С Кавказа, из Средней Азии. Крутой народ. А Сибирь наша – необъятное поле для освоения. Как вороний базар, – недовольно сказал подполковник. – Но сделаем, если вы настаиваете... А может, все-таки в эти люксы? Вы с товарищем – в один, женщины – в другой?

– Ладно, сейчас решим. – Грязнов с Симагиным подошли к беседующим Турецкому и Крайневу. – Саня, ты не против, если мы с тобой будем жить в одном номере?

– Если обещаешь не храпеть, – живо отозвался Турецкий. – Конечно, о чем речь!

У Крайнева от удивления брови поднялись уголками. Он не понимал, как прибывшие собираются поступить со своими женщинами. Но он тут же успокоился, сообразив, что все эти разговоры – наверняка обычные генеральские шуточки, типа московские приколы.

– Заметано, – сказал Грязнов Симагину. – Значит, забираем сумки и едем в «Енисей». Девчата, – обернулся он к Гале с Настей, – идите сюда, поехали.

Мужчины отправились в «Волге» Симагина, а женщин с удовольствием пригласил в свою машину Крайнев. Он не слышал разговора Грязнова с Симагиным и был по-прежнему уверен, что в первом своем впечатлении не ошибся. И теперь так и увивался вокруг них, словно носом почуял, что именно они и являются, по извечному принципу установления приоритетов, теми самыми ночными кукушками, от кукования которых и зависит окончательное решение любых вопросов. Женщины были невероятно ему симпатичны, и полковнику даже в голову не пришло бы, что они каким-то боком могут быть связаны с той работой, ради которой прилетели сюда представители Генеральной прокуратуры и МВД. А так – понятное и, в общем, естественное дело: надо же уметь не только «пахать», но и вовремя расслабляться. Крайневу теперь было что доложить и Митрофанову, и Смурову, и всем остальным, кто ждал информации о встрече в аэропорту.

А Галя с Настей, успевшие близко познакомиться во время полета, заметив реакцию встречающих на их появление, а также своего начальства, все тут же просекли и решили пока никого ни в чем не переубеждать. Некоторые заблуждения коллег иногда бывают очень на пользу делу, если ты хочешь, чтоб тебе не мешали.

Во время поездки – аэропорт «Надеждино» находился примерно в тридцати километрах от города – Грязнов не преминул поинтересоваться у Симагина, как движется расследование. А узнав, что именно подполковник и был тем человеком, который первым узнал о взрывах в тайге, сразу вцепился в него и попросил прямо сегодня, как поселятся в номере, самым подробным образом проинформировать его с Турецким. По возможности не упуская даже мелких деталей. Дело в том, объяснил он, что в Москву поступает информация, на его взгляд, крайне противоречивая и, более того, наверняка умело дозированная.

– Да, – хмурясь, подтвердил Симагин, – сведения очень противоречивые, это я тоже заметил. Хотя лично я уверен, что ошибкой пилотов во всем этом темном деле и близко не пахнет.

– Вот как! – с удовлетворением отреагировал Турецкий. – А какого же, простите, черта вы информируете Москву, что вам все тут предельно ясно и виноваты именно пилоты?

– Надо мной, Александр Борисович, есть начальники, которые, видимо, сообщают то, что кажется несомненным или просто необходимо им. А собранные мной факты и вещественные доказательства, естественно, приобщаются к делу. Но и только. Нас информирует Горбенко,

он же руководитель следственной группы. И у вас будет возможность все это увидеть. И если вы сделаете иные выводы, что ж, я думаю, для установления истины это будет неплохо.

Ответив, Симагин, который сидел впереди, рядом с водителем, покосился на того, как бы показав тем самым, что критические разговоры вести в машине не следует. Ему, во всяком случае. И Турецкий с Грязновым его поняли. Начинать с критики местного начальства вообще нехорошо, донесут, а когда к тебе привлечено особое внимание, тем более...

Гостиница оказалась вполне современной, на уровне европейских стандартов. И номера хорошие, трехкомнатные. Естественно, дорогие. Но именно эта сторона дела и указывала на то, что задерживаться здесь надолго не стоило. А потом просто смысла не было тратить большие деньги за жилье, в котором ты даже и не проживаешь, а только ночуешь.

Помимо этого, Грязнов прекрасно знаком с обычаями руководства губернских городов, когда туда прибывает по разным нуждам столичное начальство, не оставлять приезжих без пристального внимания собственных спецслужб. Уж сколько, бывало, всяких «клопов» и «жучков» выковыривали из электрических розеток, настольных ламп и телефонных аппаратов! Да и недалеко ходить, в том же их «Хилтоне» в прошлые приезды даже из вытяжных труб доставали. Кто возьмется утверждать, что и эти шикарные люксы, рассчитанные на проживание в них высоких столичных гостей либо одуревших от ворованных денег российских «джентльменов удачи» от бизнеса, а то и просто богатых иностранцев, не начинены уже изначально спецтехникой? Это ж мало того что полным идиотом себя чувствуешь, еще и слова лишнего нельзя у себя в номере произнести!

И пока полковник Крайнев услаждался беседой с женщинами, ожидавшими решения от своего руководства, Грязнов, не стеснясь, изложил свои соображения Симагину. Турецкий стоял рядом, кивал и посмеивался – платить ни за что сумасшедшие «бабки» мог только ненормальный, а он себя таковым не считал. Интересно, на какую реакцию рассчитывал в данном случае губернатор? Надо будет при первой же встрече не забыть задать ему этот «учтивый» вопрос.

Подполковник вполне разделял мнение гостей, но не мог не сообщить, что, между прочим, генерал Митрофанов и зам министра Смуров занимают здесь точно такие же номера вот уже неделю, но только этажом выше. Десятый этаж здесь почему-то считается наиболее престижным. Возможно, из-за ресторана, обслуживающего и номера, тогда как на остальных этажах располагаются только небольшие буфеты.

– Что это, в укор нам или как? – насмешливо спросил Турецкий. – Значит, у них имеются свободные личные средства. Отель – предприятие частное, как я понимаю, и на благотворительность не рассчитанное. Ну разве что уж сам губернатор пообещал профинансировать их проживание из местного бюджета. Нет, не обещал? – Он посмотрел на Крайнева, на Симагина и как бы подвел итог: – А я не считаю возможным для себя пускать государственные деньги на ветер. Ибо даже моя немалая зарплата все равно не идет ни в какое сравнение со взятками, которыми позволяют себе оперировать некоторые известные государственные чиновники. Но это так, к слову. Давайте-ка, братцы, возьмем обычные одноместные либо двухместные номера из резерва, который наверняка имеется и в этой гостинице.

Администраторша – вальяжная и пышная дама со взбитой копной волос цвета кофе со сливками, прямо-таки сошедшая с телевизионной рекламы очередного «шампуня, поднимающего волосы» – никак не могла понять, почему гости так настойчиво отказываются от люксов. И тогда Симагин с Грязновым зашли к ней за перегородку. Увидев Вячеслава Ивановича, администраторша всплеснула руками и... и только строгий взгляд Грязнова остановил ее от бурного взрыва чувств. Казалось, она готова была кинуться к нему на грудь, никак не меньше, такой восторг был написан в ее вспыхнувших глазах. Симагин все заметил и, не желая смущать гостя, сказал, что, кажется, в его присутствии нет никакой необходимости. Он вышел с озабоченным видом, сквозь который пробивалась явная ухмылка. А вскоре появился и Гряз-

нов, доложив Сане, что Генеральная прокуратура в любой провинции остается самой собой и в дополнительных комментариях не нуждается. Иначе говоря, уже через несколько минут все четверо заполняли листки прибытия в четырехзвездный отель «Енисей». Вопрос с жильем был решен.

Крайнев, пребывая в некотором замешательстве, поинтересовался планами гостей, выяснил, что его дальнейшая помощь пока не нужна, и отбыл по делам службы. Докладывать начальству, разумеется. А прибывшие отвели полчаса на приведение себя в рабочее состояние, после чего решили собраться в номере Грязнова, чтобы посоветоваться, как жить дальше, а затем спуститься и пообедать, потому что потом неизвестно, как все сложится. Симагин поднялся на пятый этаж вместе с ним.

В номере Вячеслав Иванович достал из своей сумки захваченный из Москвы, из сыскного агентства племянника Дениса, портативный прибор для проверки помещений на предмет прослушивающей аппаратуры, в просторечии именуемый «акула», прошелся с ним вдоль стен номера, по розеткам и электроприборам и, ничего не обнаружив, удовлетворенно кивнул – все в порядке.

– У них тоже проверим, – сказал он.

Симагин, глядя на него, улыбался: генерал ему нравился все больше. С таким действительно сварить кашу.

4

Подполковник даже не предполагал, что реакция москвичей на его информацию будет столь решительной и скорой. Они ухватились как раз за те, можно сказать, болевые точки, на которых он и сам поначалу сосредоточил главное свое внимание. Но его беда – теперь он это хорошо понимал – заключалась в том, что ему пришлось под давлением всякого рода обстоятельств раз за разом отказываться от одних, других, третьих свидетельств, что, в конечном счете, и привело к окончательно однозначной оценке причины трагического происшествия. Точнее, продиктованной сверху.

Как говорится в подобных случаях? Прошедшего уже не вернешь и не изменишь, а покойные сраму не имеют – произошла ошибка, ну и что? Мало мы их совершаем при жизни? Сами же за них и расплачиваемся. Спрашивать теперь не с кого, значит, и вопрос этот надо закрыть. Разве что выводы компетентной комиссии оставить в назидание другим. Чтоб не оступались на ровном месте.

И такая постановка вопроса настолько правильная и гуманная – в первую очередь по отношению к живым, к коллегам погибших, – что с ней трудно и спорить. Особенно когда исходит она из уст твоего «звездного» начальника, даже и не сомневающегося в собственной правоте. Да и кто спорить-то станет? Кто кинется доказывать обратное? Что это, мол, все никакая не ошибка, а заранее подстроенное хладнокровное убийство? Кто возьмет здесь, в провинции, на себя такую смелость? А если даже что-то и попытается доказать, то ему, этому смельчаку, немедленно заткнут рот.

Вот, например, до сих пор подполковника мучил вопрос: что за джипы мотались той ночью к месту падения самолета? И что за взрывы оттуда доносились? Ответов на эти казавшиеся совсем простенькими вопросы так и не нашлось. Следствие уперлось в тупик.

Кстати, если касаться именно этих фактов, то есть разговоров по поводу взрывов и ночных джипов, то официально допрошенные свидетели – жители поселка Рассвет, конкретно те, что звонили ему в начале десятого утра, показали, что ни о каких взрывах они ничего не слышали, никого постороннего ни в самом поселке, ни на дороге не видели, а мирно спали. Тем более что еще с вечера прилично «загрузились». И указанные телефонные звонки наверняка были чьим-то дурацким розыгрышем. Кому-то спяну почудилось либо он решил посмеяться.

Есть еще такие «шутники» на лесопункте, находятся, не из местных, конечно, из приезжих, сезонников.

Ну и что после таких заявлений оставалось делать? Искать «шутника»? Да пошел он к чертовой матери! Не в этот, так в следующий раз поймают...

Турецкий знал уже со слов Грязнова и о взрывах, и о непонятной смерти прооперированного охранника в больнице. И не доверять этим сведениям у него оснований не было. И вот теперь такой, понимаешь ли, казус. Выслушав столь неожиданное и, похоже, искреннее признание подполковника, Турецкий спросил у Симагина:

– А сами-то вы, Борис Егорович, верите в настоящий момент тому, о чем говорите?

– Я понимаю подоплеку вашего вопроса, Александр Борисович. Если скажу «да», значит, лукавлю, если «нет», вообще идиотом должен выглядеть в ваших глазах. Ну как же, весь, мол, город знает и слышал, а тот, кому положено заниматься этим конкретным делом, оказывается не в курсе! И то и другое плохо, ведь так?

– Обожаю догадливых людей, – без тени улыбки ответил Турецкий. – Ну и как же мы, по-вашему, должны поступать в дальнейшем? Вопрос чисто риторический, я-то знаю, интересно, что вы подскажете.

– Еще два слова предыстории вопроса, можно?

– Да хоть три, – хмыкнул Грязнов.

А Симагин, заметив устремленные на него с откровенной насмешкой взгляды женщин, словно бы засмутился.

– Дело было так. И тут я готов расписаться, что называется, собственной кровью под каждым словом. Я сам принимал телефонные звонки и могу с полной уверенностью сказать, что говорили три разных человека, а не один какой-то шутник. Это – раз. Далее, я сам на место падения...

– «На яму», как выражаются профессионалы, – подсказал Турецкий.

– Ну да, не выезжал. Там была оперативно-следственная бригада, в которой от нашей транспортной милиции был задействован старший оперуполномоченный майор Гуляев. Я не первый день знаю Расула Акимовича и, в принципе, мог бы голову дать на отсечение, что он – честный человек и прекрасный профессионал. Но руководителем бригады был назначен нашим прокурором Семен Харченко, сотрудник прокуратуры края, старший следователь по особо важным делам. Его я лично не знаю, в делах не пересекался, и, хотя работает здесь он давно, только слышал о нем.

– Что именно, если это не секрет? – поинтересовался как бы между прочим Турецкий, но глаза его сузились, и он опустил их, чтобы не сбивать говорившего.

– Да как вам сказать? – бесхитростным тоном, пожимая плечами, продолжал Симагин. – Вы про нашего прокурора, про Романа Владимировича Зинченко, что-нибудь у себя, в Москве, слыхали?

– Вопрос на вопрос? – хмыкнул Турецкий. – Слыхал, и что? Но учтите, я первый спросил! – И он как бы шутливо ткнул указательным пальцем в подполковника.

– Я-то задал вопрос с другой целью, не для того чтобы «перевести стрелку». Просто если вы его уже знаете, мне не придется вдаваться в ненужные подробности. Семен Никитович – уменьшенная, но точная копия своего шефа. Злые языки поговаривают, что они вообще чуть ли не из одной деревни родом, а там же у нас, знаете небось, все поголовно родственники, фамилии только разные. А идет это еще едва ли не со столыпинских реформ, когда крестьян с Украины отправляли в Сибирь для освоения новых земель целыми селами. Извините, я ответил, или надо объяснить более подробно? – Симагин в свою очередь хитро сощурился.

«Не прост мужичок-то», – переглянувшись с Грязновым, подумал Турецкий. Видно, и Вячеслав решил то же самое.

– Будем считать, частично ответили, – кивнул Грязнов. – Но вернемся к вашему Гуляеву. Он что, тоже из этих? Сегодня – одно, а завтра – другое? Какой же он после этого профессионал, позвольте спросить? И кто его определил в бригаду?

– Ну, это самый простой вопрос. Направил туда его я, поскольку моего шефа на месте не было. Он с Митрофановым находился. А «заболел» уже позже, наверное, такую команду от Георгия Александровича получил. Так что ответственность кругом на мне. И соответственно все шишки тоже мои. Нет, я не жалуюсь, Вячеслав Иванович, но так уж вышло.

– Значит, охоты выехать «на яму» у вас у самого не появилось? – словно бы констатировал Грязнов.

– В этой связи сообщаю следующее, – почти официальным тоном заговорил Симагин. – Личным указанием генерала Митрофанова мне предписано постоянно находиться на месте, чтобы отсюда курировать и координировать действия бригады, так как это может потребоваться в любую минуту. Короче говоря, «сидеть» на информации для срочных докладов в Москву, другими словами, мне, как диспетчеру, выезд на место падения самолета был изначально, с первых минут, запрещен. Я же сам после первых известий из Рассвета перезвонил на мобильный телефон Лямкина и проинформировал его максимально подробно, насколько это было возможно. А получил указания уже от самого Митрофанова. Не в буквальном смысле, никто не говорил «нельзя», просто я не имел, да и теперь не имею права покидать свое рабочее место – служебный кабинет. Это не своеобразный арест, а как бы острая служебная необходимость. Надо понимать, на время отсутствия полковника Лямкина. А он, видите ли, отсутствует плотно и появится, по моим прикидкам, не скоро.

– А как же с сегодняшней встречей? – с иронией спросил Турецкий. – Отпустили, что ли, для сопровождения?

– Никто, естественно, не отпускал, но сочли резонным, если московскую следственную бригаду будут встречать представители уголовного розыска и транспортной милиции, уже задействованные в расследовании. Но с недвусмысленным указанием: никаких относящихся к делу разговоров с вами не вести, однако обо всем, что говорилось, подробно докладывать. А «разбор полетов» со мной еще впереди. Крайнев поди уже доложил по команде, что я подозрительно кружусь вокруг вас, проявляя, стало быть, ненужную активность. Значит, с минуты на минуту последует начальственный окрик, и мне будет указано место, где я обязан находиться. Может, пока без оргвыводов, а возможно, и с соответствующими выводами. У нас это скоро делается.

– Боитесь? – улыбнулся Грязнов.

– Даже если бы это было и так, – тоже улыбнулся подполковник, – в присутствии двух таких интересных женщин я бы ни за что не сознался.

– Ладно, – сказал Грязнов, – мы вас не выдадим.

И все засмеялись – даже с заметным облегчением. Точки были, во всяком случае, расставлены.

– Перейдем к делу, – Вячеслав Иванович заговорил уже серьезно. – Саня, я предлагаю выслушать Бориса Егоровича, с чего начал бы он, если бы... А затем наметим конкретный план собственных действий. Не возражаешь?

– Ты опередил меня ровно на один вопрос, – ответил Турецкий. – Добавлю только, что надо сразу распределить наши силы – это во-первых, и, во-вторых, уточнить, на кого из местных коллег мы можем полностью рассчитывать. У меня по ходу разговора возникли кое-какие соображения, но – позже. Борис Егорович, прошу. Так на чем тут ваши прокололись?

– Следственная работа с «отказниками», я имею в виду тех мужиков из Рассвета, проделана грубо. Это лишний раз указывает на то, что именно таких свидетельств и опасались те, кому была крайне невыгодна огласка истинной подоплеки происшествия. Значит, я бы начал еще раз именно с них, со свидетелей. Хотя не исключаю, что с ними придется очень трудно.

Им либо хорошо заплатили за отказ от первоначальных показаний, либо так же хорошо припугнули. И то и другое в наших условиях вполне реальная вещь. Далее. Я бы немедленно, пока, думаю, еще не уничтожены следы преступления, съездил бы, как вы говорите, «на яму». Расул говорил мне, но сугубо в доверительном плане, что там лично для него сразу возникла масса совершенно необъяснимых вопросов. Однако все ответы на них взвалил, так сказать, на свои могучие плечи Семен Харченко.

– Действительно могучие? – с явным интересом переспросила Галя Романова и засмущалась некоторой двусмысленности своего интереса, поскольку все посмотрели на нее и засмеялись. – Нет, ну что вы?

И это вызвало еще больший смех.

– Галка, ты не о том думаешь, – лучась от удовольствия, воскликнул Грязнов. – Вот Володьке настучу!

– Ладно, успокоились, – поднял руку Турецкий. – Вопрос верный, я понял, о чем Галя спрашивает. Подоплека такая: мог ли этот следователь воздействовать на свидетелей? Ты об этом, Галя?

– Ну конечно, – словно обиделась она. – А вы сразу... бог весть что...

– Действительно, – серьезно ответил подполковник Романовой. – Образно говоря, типичный сибиряк, в классическом его исполнении. Рост, плечи, облик – все в его пользу.

– Кроме? – спросил Турецкий.

– Ну да, можно сказать, кроме того самого. Правда, верность хозяину всегда, во все века в России высоко ценилась, это вам должно быть хорошо известно, – многозначительно развел руками Симагин. – Кстати, я не сказал вам: там, на месте, был еще один важный свидетель, который также отказался в дальнейшем от своих показаний. Это местный участковый, некто Данин. Он первым облазил еще горевшие обломки, некоторые трупы обнаружил и, кроме того, вытащил к самой дороге еще живого тогда пассажира. Который, как вам известно, умер через три дня в больнице. Не приходя в сознание. Но у меня есть подозрения, что ему помогли. Хотя доказательств никаких. Я там не был. А расследований также никто не проводил.

– «На яму» эксперты выезжали?

– Александр Борисович, да я сам бригаду послал!

– И надо полагать, их заключение по горячим следам дает основание сделать выводы об ошибке экипажа?

– Теперь – да.

– Что с телами погибших?

– Их собирались отправлять в Москву, когда от вас пришло указание оставить на месте. Это обстоятельство вызвало, скорее, не недоумение, а определенную тревогу. Предлагалось даже сжечь тела тут, а родственникам выдать урны. Думаю, дело в том, что вы быстро прилетели. И еще позволю себе один факт. Расул сказал мне, что видел во лбу покойного министра след от смертельного огнестрельного ранения. На это ему указал участковый инспектор Данин, и он же показал на отверстия в обшивке самолета, напоминавшие такие, что оставляет пулеметная очередь. И эти факты еще больше напрягли ситуацию. Видимо, поэтому в уголовном деле они не фигурируют. Я полагаю, что с этими уликами, оставленными преступниками, возиться не стали, их попытались уничтожить. Если смогли.

– Анастасия Сергеевна, – Турецкий повернулся к Масловской, внимательно слушавшей весь разговор, но не проронившей ни слова и только курившей без перерыва тоненькие «дамские» сигареты, – я полагаю, открывается широкий простор для вашей деятельности. А чтоб вам не мешали, я прошу тебя, Слава, обеспечить помощь и охрану от всякого рода приставал, которые появятся немедленно, едва они увидят нашу Настю.

– Ничего, – гася очередную сигарету в пепельнице, услужливо предоставленную ей официантом в порядке исключения, заметила Масловская, – их разочарование будет неожиданным.

В ресторане вообще-то было запрещено курить, но перед такой обаятельной дамой, перед генеральскими мундирами устоять было нельзя, да и притока народа, как уже замечено, еще не наблюдалось.

Грязнов с Турецким бегло переглянулись, пряча улыбки: у Насти, что было им хорошо известно, настоящий мужской характер – жесткий и требовательный. И голос она имела достаточно громкий, чтобы, не вдаваясь в лишние объяснения, заставить человека делать только то, что ей в данную минуту нужно. И чтоб никакой самодеятельности. Она бы никогда, например, не стала генеральшей, но вот генералом – однозначно. И при всем этом – пленительное изящество движений, покоряющая женственность, мягкость. Те же, кто снисходительно протягивали к ней руки, обманутые кажущейся доступностью, а таких находилось немало, очень скоро убеждались в глубокой собственной неразумности.

– Значит, с этим вопросом ясно, – как бы подвел итог Турецкий. – Теперь по поводу повторных экспертиз. У вас тут, Борис Егорович, в принципе, имеются достойные кадры экспертов-криминалистов?

И сказано это было заметно напряженным тоном, на что Симагин с ходу отреагировал:

– Не раздражайтесь, Александр Борисович, в принципе – есть. Но... если уже одни результаты экспертизы, можно сказать, прилюдно похерили, то что остается делать остальным специалистам? Получается, речь теперь можно вести лишь о независимой экспертизе, какую, я думаю, будет по своей линии проводить Анастасия Сергеевна. Кстати, по поводу медицины. Всем известно, и это было фактически официально заявлено, что судебно-медицинская экспертиза была проведена. А где ее результаты? Где экспертные акты? В деле их нет, я их не видел, хотя формально руковожу бригадой. Может, их видел Митрофанов? Смуров? Прохоров, наконец? Или наши руководители краевых силовых структур? Напрашивается вывод, что ее просто не делали. Ограничились внешним осмотром трупов и на том покончили.

– Но мы можем положиться на ваших криминалистов? – спросил Грязнов. – Неужели и этих вызывать из Москвы?

– Как говорится, для чистоты эксперимента... я бы вызвал.

– Слава, – поморщился Турецкий, – с этим тоже понятно. Надо, наверное, Мануйлова вызвать и нашего Сережу.

– Да уж, за этих можно быть спокойными. Тогда, если ты не возражаешь, мы бы с Галкой съездили в этот самый Рассвет, познакомились с народом, самолет бы поглядели. Настеньку можем по дороге забросить в клинику, ну и дать там соответствующие указания, чтоб оставить и ей небольшой люфт для демонстрации твердости своего характера. Как, Настя, ты не против?

– Я работать прилетела. Остальное меня мало волнует. Пусть они волнуются. Но если что, будьте на связи, хотя я не думаю...

– Ну а уж ты, Саня, представительство тут изо всех сил, отвлекай от нас внимание. А в Москву по поводу экспертов я сейчас же позвоню, чтоб они уже завтра были здесь. Теперь, как быть с транспортом?

– Я бы так поступил, – сказал Турецкий. – Прямо сейчас взял бы для вас прокатную машину. Здесь контора недалеко.

– Зачем? Вы можете в этой гостинице заказать, через сервис. Подадут прямо к подъезду, – объяснил Симагин. – Уж этот вопрос у нас в гостиничном сервисе хорошо отработан. По идее, если бы вы настаивали, я мог бы отдать вам свою машину, хотя мое прямое начальство будет точно против, но, в конце концов, наплевать... Только взять придется вам ее вместе с водителем. А в нем я не уверен, может быть помехой.

– Нет, этого не нужно. Прокатная вполне устраивает. Значит, закажем какой-нибудь подержанный джип, потом завезем Настю, дадим цеу местному медперсоналу и отправимся в Рассвет, – удовлетворенно закончил Грязнов и тут же вспомнил то, о чем думал, но забыл сказать Турецкому. Он отвел его чуть в сторону и шепотом сказал: – А ту информацию о родственных связях Смурова и Митрофанова я таки проверил. Тютелька в тютельку. Их жены – родные сестры. Но ты еще больше удивишься, когда я тебе скажу, что нынешняя супруга Смурова в недавнем прошлом была женой Сальникова. Они развелись несколько лет назад. Ничего себе узелок?

– Да это уже не узелок, Славка, – задумчиво произнес Турецкий, – а целый клубок... «друзей». Ладно, за информацию спасибо, надо обдумать... А я, с вашего разрешения, Борис Егорович, еще ненадолго вас поэксплуатирую, ладно? – вернулся к прежнему разговору Турецкий. – Завезите меня к Зинченко, в прокуратуру, а я там, у него, и возьму транспорт для себя и о помещении для работы бригады договорюсь. После чего начну наносить некоторые визиты. С губернатором познакомлюсь. Но вас уже трогать не буду. Ну а уж вы сами решите, стоит ли работать в нашей бригаде или лучше пока делать вид, что вы руководите прежней. Я имею все полномочия включить вас одного, скажем, в состав нашей бригады. Это не шутка, я всерьез говорю. Но тут нам всем надо хорошо подумать по поводу вашей кандидатуры, как бы ненароком вам биографию не сломать. А ты, Слава, реши насчет того человека, про которого мы с тобой в Москве говорили. Ну и плюс наши ребята подъедут, когда там закончат. И успеют ли еще закончить раньше нас – тоже вопрос. Дополнения, возражения есть? Нет? Тогда приступаем. Борис Егорович, вы сами понимаете...

– Могли бы и не говорить, Александр Борисович, – нисколько не обиделся Симагин.

– Ну, и считайте, что я ничего не сказал. Даже и не подумал. А если ваше начальство станет домогаться, что не исключено, я думаю, вы можете им всем отвечать однозначно: никаких общих встреч не будет. На основании выданных ему высшей инстанцией полномочий Турецкий решил разговаривать с каждым отдельно и только в официальном порядке, под протокол. То есть фактически намерен самым подробным образом допросить всех имеющих, пусть и косвенное, отношение к авиакатастрофе, не обращая внимания на чины и должности. И в первую очередь тех, кто был в аэропорту в тот вечер, готовя встречу министру. Вот и пусть покрутятся, поежатся в ожидании. А мы торопиться не будем, дадим им время договориться между собой, если еще не успели. Тотальная лож имеет один существенный недостаток, как я заметил из собственной практики. Невозможно договориться врать всем одинаково по любому вопросу, без исключения. Поэтому достаточно проявиться хотя бы малюсенькому отклонению по существу вопроса, как тут же начинает срабатывать эффект горной лавины, которая, в свою очередь, не может быть управляемой.

– И вы уже знаете, на чем их можно взять? – усомнился Симагин.

– А интуиция зачем нам Богом дана, уважаемый Борис Егорович? Или вы полагаете, что это от лукавого?

– Вот ее я не имел в виду.

– А зря... У меня сложилось впечатление, что у вас тут все как-то уж больно круто завязано, стянуто в какой-то тугой узел. Причем не естественный, а припахивающий искусственностью, фальшью, что ли. Знаете, у фокусников есть подобные загадки для зрителей. Веревка вся так закручена, запутана, в такие узлы затянута, что иному неискушенному кажется, будто ее никогда не распутать. Ну, типа того мифического Гордиева узла, который можно лишь мечом разрубить. А на самом деле надо просто отыскать почти незаметный кончик и несильно потянуть за него. И узел сам распадется. Не видали таких фокусов?

– Не приходилось. Но, во всяком случае, о чем-то подобном слышал.

– Вот и хорошо. Значит, побудете пока зрителем.

– Да я вот решил...

– Не торопитесь. Вечерком, если у вас не появится каких-нибудь неожиданных осложнений, можем встретиться. А пока предлагаю небольшую игру. Молчание в машине будет выглядеть слишком подозрительно. Поэтому я вам стану, если не возражаете, задавать вопросы относительно тех лиц, которые могли быть здесь, у вас, не заинтересованы в тщательном проведении расследования, а вы мне характеризуйте их. Но – с точностью до наоборот. Если он – жулик, говорите: честняга, каких свет не видывал. И так далее, понятно?

– А что, это может получиться забавно.

– Ага, и стукачу вашему крыть будет нечем.

5

Александр Борисович сидел напротив краевого прокурора Зинченко на обыкновенном стуле для посетителей. Сам же хозяин просторного, облицованного дорогими резными деревянными панелями, кабинета вальяжно расположился в своем широком кресле, сложив сцепленные пухлые пальцы перед собой, на груди, а если быть совсем точным, то на животе, составляющем вместе с грудью единое выпуклое целое, обтянутое синим сукном мундира. Он только встал, протягивая руку вошедшему Турецкому, даже не выйдя ради приличия из-за стола. И весь его вид точно соответствовал той краткой характеристике, которую только что дал, сидя в машине, Симагин. Турецкий прекрасно знал Зинченко, стараясь без острой служебной необходимости с ним не контактировать, и удивлялся точности наблюдений Бориса Егоровича: «Мягкий, совестливый, тонкий в обращении с подчиненными, безукоризненно честный и, наконец, компанейский человек. Можно сказать, душа в каждой компании, особенно среди тех, кто чином или должностью ниже его. С губернатором не ладит из принципиальных соображений. Словом, открытый человек».

А теперь оставалось только вместо каждого плюса поставить знак минус, и четкий портрет вельможного провинциального чиновника готов.

Интересно, о чем думал водитель Жора, у которого так и топорщились уши-локаторы, слушая такую характеристику?

Медленно и негромко, придавая каждому своему слову одному ему понятную значительность, Зинченко «знакомил» приезжего со сложившейся ситуацией в расследовании достаточно рутинного, увы, происшествия. Правда, закончилось оно трагически, а ведь не будь этого, собственно, и говорить было бы не о чем, кроме как о беспечной халатности тех служб, которые готовили самолет к дальнему рейсу, а также обслуживали его.

У Зинченко на погонах было по две генеральских звезды, а у Турецкого только по одной. И уже одно это обстоятельство позволяло краевому прокурору говорить с посетителем словно бы «через губу». Но, будучи опытным и не раз битым чинушей, исключительно в провинциальных условиях чувствующим себя богом-олимпийцем, он почему-то, тем не менее, не брал во внимание тот факт, что Турецкий – не только государственный советник третьего ранга, но еще и первый помощник генерального прокурора. А такой расклад менял диспозицию не в пользу прокурора края, каким бы необъятным в географическом смысле тот ни был. И, видимо, упускал бюрократическим своим умом еще одну деталь: над ним был еще и зам генерального прокурора по федеральному округу. А с «трехзвездным» Федюниным – это знали они оба, и Зинченко, и Турецкий, – спорить о чем-либо вообще было бесполезно. Почему ж забылось-то? Может быть, самое время напомнить?

Александр Борисовичу, в принципе, было, мягко выражаясь, наплевать на то, о чем думает в связи с авиакатастрофой краевой прокурор, он сидит в кресле, ему докладывают. А когда он слышит не то, что требуется, он, естественно, сердается. Обычная провинциальная картина. Но ведь речь началась не с общих и, кстати, весьма поверхностных положений, касавшихся расследования, а с чисто технической стороны дела. Турецкий начал не с вопроса «что

вы по этому поводу думаете?», а с вежливой просьбы предоставить его бригаде в помещении краевой прокуратуры как минимум две удобные комнаты с сейфами и телефонами, а также в личное пользование руководителю бригады автотранспорт – на все время следственных действий в крае.

Вероятно, вот эта последняя часть фразы и задела ущемленное самолюбие прокурора. Он ответил, предварительно подумав, что с этими вопросами, наверное, можно будет найти взаимно приемлемое решение, а вот что касается собственно расследования, то оно фактически завершается, остаются малосущественные детали. И после этого развернул перед невольным слушателем картину собственного видения событий.

Турецкий слушал вполуха, прекрасно понимая, что ничего нового Зинченко не скажет. Однако время уходило зря. И он сделал нетерпеливое движение, чем привел прокурора в некоторое замешательство – тот конечно же не привык, чтобы его перебивали. Возникла неловкая короткая пауза, которой немедленно и воспользовался Александр Борисович:

– Значит, надо полагать, мы с вами обо всем договорились, Роман Владимирович? Я сегодня же передам генералу Грязнову и остальным сотрудникам, что они уже могут необходимые документы, в частности все без исключения материалы, которые успела собрать ваша оперативно-следственная бригада во главе с подполковником Симагиным, – так? – получить и немедленно приступить к изучению. Это хорошо, это оперативно.

Турецкий с любопытством взглянул на Зинченко, у которого на лице было написано откровенное непонимание того, о чем идет речь. Он-то излагал совершенно иное! Так о чем же речь?

– Да, и еще. Будьте добры, окажите такую любезность, дайте команду в «дежурку», чтобы там заранее приготовили ключи от комнат и от сейфов. А что касается наших с вами контактов, то я обещаю, что не буду без дела отрывать вас от решения ваших проблем. Ну а в случае необходимости я же всегда могу позвонить Федору Карловичу, – он имел в виду федерального прокурора – который полностью в курсе наших дел и забот.

Тут Турецкий крепко рассчитывал на Костю Меркулова, который обещал, что в трудную минуту Федюнин поможет бригаде, уж им ли не знать повадки Зинченко! Да и само упоминание федерального прокурора пришлось очень к месту, маленько сбило спесь с Зинченко.

– Так что, – не делая передышки, продолжил Турецкий, – я больше не буду мешать вам, Роман Владимирович, благодарю вас, вы и без того уделили мне достаточно внимания. А теперь по поводу машины. Чем я могу воспользоваться? Водитель мне не нужен, я сам давно за рулем, больше двух десятков лет. Права всегда ношу с собой. И тогда прямо от вас я отправлюсь к Прохорову. Да, извините, надо же ему позвонить, просто из вежливости, а потом, я не знаю, как проехать к его резиденции. Я могу воспользоваться вашим телефоном?

– Да, конечно, – не понимая, видно, почему он поддается такому нахальству, ответил прокурор. И вдруг его словно осенило: – Могу даже облегчить вашу задачу, нате вам прямую линию.

И Зинченко нажал одну из клавиш на селекторе. Послышались гудки, и Турецкий сообразил, что хитрый прокурор, словно бы нечаянно, включил громкую связь. Взять теперь телефонную трубку и вести разговор с губернатором без постороннего слушателя, было бы не очень ловко. Ну ничего, сам напросился...

– Слушаю, Рома, чего тебе? – раздался густой бас Прохорова, увидевшего, кто ему звонит.

– Это вас, Василий Игнатьевич, беспокоит помощник генерального прокурора Турецкий Александр Борисович. Звоню вам из кабинета Зинченко, чтобы выяснить, когда сегодня вам удобно будет назначить мне, так сказать, аудиенцию? Меня специально об этом предупредили, еще в аэропорту.

– Сегодня? – недовольно засопел губернатор. – А что так спешно? Горит, что ли? Или у вас других дел нет?

Александр Борисович уловил мелькнувшую ухмылку на мясистом лице прокурора.

– Именно. Надо не столько обсудить, сколько договориться о времени, когда нам с вами будет удобно провести допрос.

– Допрос?! – Губернатор подумал, что ослышался.

– Вы правильно расслышали, – спокойно ответил Турецкий, глядя на прокурора, глаза которого сузились и застыли в ожидании, как у хищника, узревшего желанную добычу, и добавил со смешком: – Только, ради бога, не пугайтесь. Это необходимая формальность, которой подвергнутся все встречавшие покойного министра в «Надеждино». Включая Митрофанова, Смурова, Горбенко и прочих. Просто у нас в терминологии есть не очень приятные выражения, а на самом деле – это обыкновенная, рутинная процедура. Да вот, я смотрю, и Роман Владимирович готов подтвердить. Роман Владимирович, не желаете сказать пару слов?

– Да, собственно... Да, процедура... В принципе, она вполне формальная, если иметь в виду...

– Но необходимая, – быстро закончил за Зинченко Турецкий. – Я считаю абсолютно неправильным начинать важнейшее расследование в этом городе, не встретившись и не переговорив предварительно с главой губернии. Я уж не говорю об обычной профессиональной этике. Вряд ли кто-нибудь поймет нас с вами и в Москве, я имею в виду Администрацию президента. Да ко всему прочему, это наша обычная практика, ничего экстраординарного тут нет, уверяю вас. Ну так как у вас со временем? Дело в том, что уже начиная с завтрашнего дня я буду чрезмерно занят и вряд ли смогу с ходу выбрать назначенное вами время. А сегодня вроде уже рабочий день кончается, и мне кажется, мы вполне могли бы уединиться, чтобы никто вам не мешал, на часок, максимум. Кстати, я здесь, в вашем краю, не впервые, но где находится резиденция, куда и получил уже от вашего имени приглашение, не знаю. Но, может быть, Роман Владимирович мне объяснит, как доехать? С ним мы уже договорились о транспорте и помещении для работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.